

Дженнифер Хеймор
Соблазнительное предложение
Серия «Дом Трентов», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9501458
Соблазнительное предложение: роман : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-084640-5

Аннотация

Ни один джентльмен не позволит себе путешествовать с незамужней дамой.

Ни одна истинная леди и помыслить не посмеет, чтобы взять себе в спутники известного повесу.

Однако отважный Лукас Хокинс, наследник герцога Трента, и прелестная молодая вдова Эмма Кертис не обращают внимания на условности – совместными усилиями они ведут поиск Роджера Мортон, чтобы отомстить коварному негодю.

В пути Лукаса и Эмму ждут множество приключений, увлекательных и опасных, тайна прошлого, которую необходимо раскрыть, и, конечно, пылкая, страстная, неодолимая любовь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дженнифер Хеймор

Соблазнительное предложение

Роман

Моему герою Лоренсу

Глава 1

Нет, он выпил недостаточно. Лорд Лукас Хокинз посмотрел на стакан с элем, стоящий перед ним на столе, провел большим пальцем по каплям, собравшимся на ободке.

Он предпочел бы что-нибудь покрепче, но и эль уже начинал действовать. Все острые края фантомных лезвий, что безжалостно полосовали его трезвого, уже затупились. Шум в таверне, пронзивший насквозь и вызвавший головную боль, когда он только пришел сюда, теперь казался ему вполне терпимым. Люк еще раз отхлебнул прохладной янтарной жидкости, откинулся на спинку стула и с удовольствием прикрыл глаза.

На сегодня вопросов достаточно. Он почти не продвинулся в своей охоте на Роджера Мортонна, но это его не удивляло. Мерзавец, который увез мать Лукаса из ее дома в Айронвуд-Парке, был человеком хитрым и ускользал от него на всем пути от Кардиффа до Бристоля.

Здесь он Мортонна не найдет, это точно. Сейчас он осушит еще три-четыре высоких стакана эля, подыщет себе на вечер приятную компанию, а затем рухнет в сон без сновидений. Чтобы проснуться утром и вновь взяться за бесплодные поиски.

Держа стакан с элем обеими руками, Люк поднес его к губам, зажмурился и опрокинул напиток в рот. Опуская стакан, он снова открыл глаза.

«Так-так-так».

Он выпрямил спину и решительно поставил стакан на стол. Губы его изогнулись в порочной улыбке. Похоже, приятная компания отыскалась сама.

На противоположной стороне узкого деревянного стола сидело видение в черно-белом. Прелестнейшее создание, таких ему не доводилось встречать давным-давно. Карие с золотыми искорками глаза смотрели на него с непроницаемым выражением. Густые, блестящие локоны выбились из-под чопорного белого чепца и обрамляли розовощекое лицо в форме сердечка. Ее невероятно аппетитные губы заставили его сердце встрепенуться: они напомнили темно-красные спелые вишни, их сладкий аромат, сок, брызжащий, стоит только надкусить такой плод.

Одного взгляда на эти губы было достаточно, чтобы расслабленное тело Лукаса моментально вернулось к жизни.

— Ну-у-у, — протянул он, подпустив в голос ленцы и лукавства. Он отрабатывал этот тон долгие годы, преследуя двойную цель: в точности сообщить леди свободных нравов, чего он хочет, и дать возможность невинной девице сбежать, пока у нее есть шанс. — Самое время. Я давно вас жду.

Надо отдать ей должное, она всего лишь чуть шире распахнула глаза. Лукас и не заметил бы, не будь он так внимателен. Другой реакции не последовало. Она даже не шелохнулась.

— В самом деле?

Лукаса охватило вожделение. Господи, какой у нее голос! Крепкий и бархатный, как лучшее бренди. Он вызывал в воображении картину спальни, смятых простыней, грубой

возни, сладострастных удовольствий. Тело сильно напряглось. Член уперся в складки бриджей. Находясь под магией прелестного личика, непробиваемого хладнокровия и чувственного голоса, Люк был готов немедленно утащить ее наверх, в спальню.

Но он не относился к тем, кто слишком торопит события, в особенности если его так заинтриговали. У него хватит и сдержанности, и терпения.

Люк склонил голову набок.

– Что вас так надолго задержало?

– Ну, – она глубоко вздохнула, чем сразу привлекла внимание к своей пышной груди, словно пытавшейся выпрыгнуть из лифа. Лукас с радостью помог бы ей в этом, – кое-что задержало.

– О? Кто? Или что?

Уголок ее губ дернулся вверх. Она с ним играет! Обычно он сам играл с женщинами, но в данном случае они играли друг с другом, и ему это нравилось.

– Незнание, – сказала она.

Незнание? Распущенные женщины обычно не употребляют подобных слов, да еще с такой интонацией. Хрипловатый голос произнес это слово так, как говорят только образованные дамы.

Люк откинулся на спинку стула, пытаясь внимательнее рассмотреть женщину напротив сквозь возбуждение и алкоголь. До этого он заметил только ее чепец – когда хотел швырнуть его на пол и зарыться пальцами в изобилие блестящих волос. И не увидел ни жемчужных серег, ни превосходного шелка ее платья, белого, отороченного черным бархатом.

Она не шлюха. Она леди.

Люк замер, торопливо окидывая взглядом зал. Таверна была переполнена мужчинами и женщинами, которые ели, пили и болтали между собой. Шум, запахи обуглившегося мяса, хмеля и пивных дрожжей пронизывали каждый дюйм помещения. Никто за ним и его собеседницей не следил – по крайней мере в открытую. Но дьявольщина, леди не всплывают в питейные заведения и не плюхаются за стол к первому попавшемуся пьянчужке. Этой женщине что-то известно.

Эти открытия не сделали ее менее притягательной, напротив, они завораживали. Леди она или нет, но дерзости ей хватает. Люку нравились дерзкие женщины – они бесстрашны, готовы идти на риск хоть в постели, хоть вне ее.

Он подался вперед, поставил локти на гладкий стол. Столешница была настолько узкой, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица.

– Но теперь что-то изменилось? – спросил он. – Кто-то вас просветил?

Она с глубокомысленным видом кивнула:

– Именно так.

Вероятно, она слышала, как он расспрашивал про Роджера Мортон.

– Значит, у вас есть для меня какие-то сведения?

Она хмыкнула и побарабанила пальцами по столу, чем невольно привлекла его взгляд к своим рукам. Коричневые лайковые перчатки плотно облегли длинные пальцы, постукивавшие по деревянной поверхности.

– Я думала, это у вас могут быть сведения для меня.

Он вскинул брови.

– Вот как?

Она в ответ тоже высокомерно подняла брови.

– Да, вот так.

Люк засмеялся. Непривычное и редкое чувство закипало в нем, перехлестывая через край. Он заулыбался еще шире. Обычно женщины не вели себя так в его присутствии. Они

либо, заливаясь слезами, мчались к своим мамочкам, как обиженные котята, либо тянули его прямо в объятия, как ненасытные львицы. Эта дама представляла собой нечто совершенно другое.

– Поэтому у меня к вам предложение, милорд.

Ага, значит, она прекрасно знает, кто он такой. Или знает, кем он прикидывается.

– А у меня предложение к вам, мисс...

– Миссис.

– Миссис, – повторил он, ни на секунду не поверив, что она замужем. Нет уж, у него было чутье на замужних женщин. А эта дама пахла лавандовым мылом... и чем-то большим. Чем-то неукротимым и влекущим. И что-то в ее взгляде говорило о теплой чувственной плоти и темных, томных ночах.

Нет, она определенно не замужем. А это значит, что о своем брачном статусе она солгала или же является вдовой. Впрочем, для вдовы она слишком молода. Люк пытался понять, что скрывается за спокойствием этой леди, что она задумала.

– Миссис Кертис, – сообщила она.

– Миссис Кертис, у меня есть предложение к вам.

Уголок ее губ снова дернулся вверх. Глаза заискрились самым обворожительным янтарным оттенком.

– В самом деле?

Люк приблизился к ней и провел пальцем по ее нижней губе, которая оказалась мягче, чем бархат на лентах ее платья. Она была пухлая, красная, как спелая сладкая вишня. Как же ему захотелось попробовать ее на вкус!

– Пойдемте со мной наверх, – прошептал он.

Она никак не отреагировала ни на прикосновение, ни на слова. Осталась неподвижна. Затем чуть отодвинулась и едва заметно кивнула:

– Хорошо, милорд.

И, не тратя лишних слов, с деловым видом поднялась. Люк мгновенно вскочил, скорее повинувшись давней привычке, чем по какой-либо другой причине. «Всегда вставай, если леди стоит, – твердила ему гувернантка. – Или тебя сочтут грубияном из джентльменов». Теперь все считали его грубияном из джентльменов, но это не мешало ему вовремя вставать.

– Пожалуйста, – миссис Кертис повела рукой в сторону выхода, – показывайте, куда идти.

– Разумеется. – Он кивнул.

Они молча пробирались по переполненной таверне. Никто не обратил на них никакого внимания. Выйдя из общего зала, они прошли по длинному коридору и стали подниматься по лестнице в его дальнем конце.

Опустилась ночь, а вместе с ней пришел резкий осенний холод, который был ощутим и на тускло освещенной лестнице. Люку внезапно захотелось прижать миссис Кертис к себе и согреть ее. Но он был недостаточно пьян, чтобы не понимать – такая леди вряд ли будет приветствовать подобные вольности на виду у всех.

И все же он успел выпить достаточно, чтобы вообразить себе, как необузданно она примет его ухаживания за закрытой дверью.

Добравшись до верха, Люк задержался на площадке, пытаясь сообразить, куда идти дальше. Гостиница при таверне была большая, от лестницы вели сразу три коридора.

Миссис Кертис остановилась рядом с ним, изогнув бровь:

– Мне кажется, теперь сюда, милорд. – И свернула в правый коридор.

Люк последовал за ней. Значит, размышлял он, она уже знает, где расположена его комната. С каждой секундой эта женщина привлекала его все больше.

Она остановилась перед последней дверью.

– Здесь?

– Да, миссис Кертис. Здесь.

Он вытащил из кармана ключ, отпер дверь и шагнул внутрь.

В комнате, меблированной со спартанской скромностью, было холодно. В отличие от своего брата, Саймона Хокинза, герцога Трента, Люк не обладал средствами, чтобы снять целый этаж в гостинице для себя и своей свиты и нанять камердинера и прочих слуг, которые поддерживали бы огонь в каминах и разжигали жаровни, сохраняя в комнатах приятное тепло. Да и свиты у него не имелось, только он сам по себе. Так было всегда, так будет всегда. Тем более сейчас, когда он узнал, что он не настоящий Хокинз.

Люк шире распахнул дверь, и леди тоже вошла. Она хотела обойти его, но Люк решительно захлопнул дверь и поднял руку, останавливая миссис Кертис. Она попятилась, наткнулась спиной на дверь. Люк уперся ладонями в дверь по обе стороны от ее плеч, преградив ей путь.

– Ну вот, – тихо пробормотал он, – теперь вы моя пленница.

Что-то вспыхнуло в ее глазах. Страх или страсть? Наверное, страсть. Он уже успел понять: эту женщину не запугать так просто.

Люк наклонился и прошептал ей на ухо:

– Вы любите, когда вас связывают, миссис Кертис?

Она отреагировала едва заметно – по телу прошел слабый трепет, но Люк его почувствовал. Он почти вплотную приблизил губы к ее губам, щекой чувствуя ее теплое дыхание. Она не шевелилась, только легко дышала.

Всего несколько каких-то дюймов разделяло их тела. Они не соприкасались, но стояли так близко, что жар их смешивался и словно закипал в этом узком пространстве.

Медленно, мучительно Люк закрыл глаза и прикоснулся легчайшим поцелуем к ее губам – полным, мягким, но безразличным, – неторопливо, чувственно скользнул губами вправо, влево. Она не шелохнулась, но тело ее слегка обмякло, и Люк испустил негромкий стон.

Она была такая вкусная. Сладкая. Спелая. Он снова притронулся к ее неотзывчивым губам, прикоснулся кончиком языка к уголку ее рта, пытаясь вызвать хоть какую-то реакцию, но она так и не шелохнулась.

Господи, он хочет эту женщину! Его тело вопило, требуя прижать ее к себе и получить такое порочное наслаждение, какое только сможет предложить ее податливая плоть. Но он хотел не только ее уступчивости, ему требовалось, чтобы она принимала во всем активное участие. Люк снова поцеловал ее губы, щеку (какая у нее мягкая, гладкая кожа!), добрался до нежной мочки уха.

– Ну, а теперь вы готовы выслушать мое предложение? – прошептал он.

Легко, как перышком, прикоснулся губами к мочке уха, нежно ее прикусил и чуть отодвинулся, всматриваясь. Выражение лица миссис Кертис не изменилось, только веки опустились.

Пока она молчала, подумал, что сам хотел бы сказать: «Я верю, что у вас есть для меня информация, миссис Кертис. Верю, что в ответ вы чего-то хотите от меня. Но все это может подождать. Прямо сейчас, прямо здесь я хочу вас. Хочу ощутить под собой ваше прелестное тело. Хочу сорвать с вас это платье и покрыть поцелуями каждый дюйм вашей восхитительной кожи. Хочу заставить вас выкрикивать мое имя снова и снова до тех пор, пока мы оба не дойдем до такого иступления, после которого остается только провалиться в сон. А потом, когда мы проснемся...»

– Нет, – сказала она, наконец-то посмотрев на него.

– Нет?

– Я не хочу выслушивать ваше предложение, милорд.

Ее голос царапал нервы, превращая его в кровоточащее, жаждущее существо, успокоить которое может только ее прикосновение.

– А мне кажется, хотите.

– Я точно знаю, что не хочу, – возразила она. – Потому что мне понятно, в чем его суть.

– И это не то предложение, которое вы готовы принять?

– Ни под каким видом.

– Но почему?

Она демонстративно посмотрела на его руки, удерживающие ее, словно в клетке, сначала на правую, затем на левую, и снова перевела взгляд на его лицо. Теперь ее глаза сверкали золотом и были полны решимости.

– Потому что у меня есть более важные дела.

Люк громко засмеялся:

– Поверьте, миссис Кертис, в этот час нет ничего более важного, чем то, что я намерен предложить.

– Есть, – сказала она, и ее мягкие губы решительно сжались.

Ну что ж, придется под нее подстраиваться.

– И что это может быть такое?

– Мое предложение вам.

Он вздохнул:

– Очень хорошо. Расскажите мне, в чем там дело.

– Вы прибыли в Бристоль в поисках человека по имени Роджер Мортон. Верно?

Люк пристально посмотрел на нее. Эти слова его не удивили. Она знала, кто он такой. Знала, где его комната. Совершенно очевидно, что она следила за ним с тех пор, как он вчера въехал в город, и точно знала, зачем он здесь. Он не делал из этого тайны и искал любую информацию, которая могла его привести к ублюдку, увезшему мать.

– Да, это правда. Я разыскиваю Роджера Мортон.

– Я готова помочь вам его найти.

Он скривил губы.

– Да неужели?

– И вот мое предложение. Я помогу его найти, если вы позволите мне поехать с вами.

– Позволить вам поехать со мной. – Люк повторил ее слова медленно, пробуя их на вкус, а перед глазами уже возникали различные картинки. Вместе с этой прелестной леди отправиться на поиски Роджера Мортон по всей Англии. Делить с ней постель в разных деревенских гостиницах. Долгие ночи наслаждаться этим бледным соблазнительным телом, неистойвой любовью...

Он всмотрелся в ее лицо. Высоко на скулах проступил румянец, суровые черты сделались жестче, придавая ей выражение железной решимости. Он стоял так близко, что чувствовал, как под ее кожей бьется пульс. Стало понятно, что это для нее исключительно важно.

– Почему вы желаете путешествовать со мной? Наедине? – Он подчеркнул слово «наедине», чтобы напомнить о возможных последствиях для ее репутации. В конце концов, она леди, а леди не путешествует наедине с джентльменом, если не замужем за ним.

– Потому что я тоже хочу отыскать Роджера Мортон, – произнесла она голосом, дрожащим от убежденности.

Люк прищурился.

– И убить его, – добавила мгновение спустя.

Эмма зашла слишком далеко, и знала это. Но несмотря на лихорадочно бьющееся сердце, она не отводила уверенного взгляда от лорда Лукаса Хокинза, не давая себя запугать. Он приехал в Бристоль как раз вовремя, чтобы спасти от существования, грозившего свести ее с ума. И она не упустит этой возможности.

Он не отодвинулся от нее ни на дюйм. Просто стоял и изучал своими пронзительными, подавляющими ледяными голубыми глазами. Придя в таверну, она даже не предполагала, что он может оказаться таким неотразимым.

И она позволила ему поцеловать себя. Боже праведный!

«Вы любите, когда вас связывают, миссис Кертис?» – от этих слов у нее в животе все сжалось. И до сих пор не расслабилось.

– Вы не производите впечатления женщины-убийцы, миссис Кертис. – Он улыбнулся ей, по-волчьи оскалив зубы. – В конце концов, я стою тут, рядом с вами, и ни капли не опасюсь за свою жизнь.

Она продолжала в упор смотреть на него, зная точно, что если ее подозрения оправдаются, с радостью убьет Роджера Мортон.

– Ну хорошо, – после долгого молчания сказал Люк. – Готов поиграть. Почему вы хотите убить Роджера Мортон?

– Из мести.

Руки, упирающиеся в дверь по обе стороны ее плеч, напряглись. Сильные руки. Мужественные и мощные.

– За что? Что натворил этот человек, если вы хотите отобрать у него жизнь?

С чего начать? Если она права в своих подозрениях, Мортон разрушил буквально всю ее жизнь. Но она предположила, что лучше начать с его самого гнусного преступления. Эмма зажмурилась и произнесла, с трудом выталкивая из себя слова:

– Он... убил... моего мужа.

Молчание. Затем:

– А-а.

И это все, что он может сказать? Она открыла глаза, чувствуя, как ее охватывает ярость. Но тут Лукас шевельнулся, поднял руку и положил ей на щеку, поглаживая большим пальцем скулу. Прошло так много времени с тех пор, как мужчина прикасался к ней, целовал ее. А прикосновения и поцелуи из ее прежней жизни ничем не походили на прикосновения и поцелуи Лукаса Хокинза, мужчины, с которым она знакома меньше часа. И уж конечно, никто никогда не спрашивал ее, нравится ли ей быть связанной.

Святые небеса! Она не желает думать об этом сейчас! Нужно оставаться сосредоточенной.

– Когда? – мягко спросил он.

– Очень давно. – «Целую жизнь назад». – Год назад.

– Сколько времени вы были женаты? – спросил он. – Вы очень молоды.

– Мы поженились всего за три месяца до того, как Генри погиб. Но я вовсе не так молода. Мне двадцать три.

Он посмотрел на нее, и его пылающий огонь синих глаз растопил в ее душе холодок, хотя она и говорила себе, что лорд Лукас опасен. Распутник, шалопай, негодяй – любое из этих определений подходило для него.

А она разбиралась в распутниках, шалопаях и негодях. Генри тоже относился к этой категории – со своим дружелюбным видом и склонностью к спиртному, азартным играм и... женщинам. Когда он умер, она поклялась себе, что впредь будет избегать подобных мужчин.

А теперь перед ней стоит лорд Лукас Хокинз, красивый, опасный, излучающий нечто настолько неукротимое и привлекательное, что она с трудом противилась желанию побыстрее лечь с ним в постель.

Она позволила ему поцеловать себя. Опасно. Очень опасно.

Эмма призвала на помощь всю свою решимость. Опасен или нет, лорд Хокинз разыскивает Роджера Мортон. Опасно это или нет, но она больше всего на свете хочет найти этого человека.

– Очаровательная миссис Кертис, – произнес лорд Лукас шелковым голосом, который словно потек вниз по ее спине теплой волной, – а каким именем вас нарекли при крещении?

– Эмма, – ответила она. Вряд ли есть какие-то причины скрывать это от него.

– Могу я называть вас Эммой?

Она заколебалась. Теперь ее так называли только отец, сестра и несколько самых близких знакомых. И все же она почему-то не могла заставить себя сказать «нет», поэтому решила бросить ему вызов:

– В таком случае могу я называть вас Лукасом?

– Ни под каким видом. – Его губы изогнулись в улыбке, от которой ее сердце чуть не остановилось. – Но вы можете называть меня именем, каким меня зовет моя мать – Люк.

– Что ж, пусть будет Люк. – Тут она сообразила, что он отступил назад и больше не прижимает ее к двери, и почувствовала себя безутешной.

Эмма стиснула перед собой руки.

– Я слышала, что вдовствующая герцогиня Трент пропала. Мне очень жаль.

Он едва заметно кивнул, но легкость из взгляда исчезла. Очевидно, исчезновение матери, хоть и случившееся много месяцев назад, по-прежнему его волновало.

– И вы думаете, Роджер Мортон имеет какое-то отношение к ее исчезновению?

Люк вздохнул. Отвернувшись, запустил руку в темно-русую шевелюру, взъерошил волосы так, что они встали дыбом. Эмма с трудом подавила порыв пригласить его волосы, укротить эти торчащие во все стороны пики.

– Мортон совершенно точно причастен к исчезновению моей матери. Она была рядом с ним в ту ночь, когда покинула дом. И после этого он провел с ней как минимум месяц.

Эмма кивнула и сказала негромко:

– Роджер Мортон – воплощение зла. – Он убил Генри и украл состояние ее отца; нет сомнений, что он сотворил что-то ужасное с вдовствующей герцогиней Трент.

Люк скрестил на груди руки и посмотрел на Эмму через крохотную комнату. Она не отвела взгляда, не обращая внимания на трепет при виде его расслабленной мужественной фигуры. Высокие черные кожаные сапоги облегли его икры, как вторая кожа. Темные бриджи обтягивали сильные бедра; верхняя пуговица на жилете в серую и черную полоску расстегнулась, демонстрируя простой белый галстук; черная визитка с высоким воротником и серой шелковой подкладкой подчеркивала ширину плеч.

– Если Роджер Мортон – воплощенное зло, с моей стороны будет не очень-то по-рыцарски позволить леди присоединиться ко мне в его поисках, не так ли?

Она пожала плечами.

– Думаю, вы обрадуетесь, узнав, что меня еще никто никогда не обвинял в рыцарстве.

– Что ж, благодарю Бога за это.

Люк не улыбнулся.

– И все-таки, почему я должен позволить вам присоединиться ко мне?

– Потому что, как я уже говорила, я могу помочь его отыскать. У меня есть кое-какие зацепки, которые приведут нас прямо к нему.

– И что за зацепки?

– Документы.

– Какого рода документы?

– Счета, письма.

Его губы дернулись.

– Каким образом они к вам попали?

– Вы задаете слишком много вопросов. Пока мы не заключим договор, я вам больше ни слова не скажу.

– Договор, согласно которому вы сообщаете мне о местоположении Мортонa, я беру вас с собой, а когда мы его успешно находим, вы его убиваете.

– Да, – решительно ответила она. – Но не раньше, чем вы выясните все возможное о том, что произошло с герцогиней.

И не раньше, чем она выяснит, что Мортон сделал с деньгами ее отца.

– Как великодушно с вашей стороны позволить мне несколько минут порасспрашивать мерзавца до того, как он примет мученическую смерть!

– Я тоже так думаю, – согласилась она.

Люк засмеялся. Ей нравился его смех – негромкий и мягкий, услышав который хотелось улыбнуться и тоже засмеяться. Но она не стала, ставки слишком высоки. Она поняла, что Люк опасен, с того мгновения, как его пронизательные голубые глаза посмотрели на нее поверх стакана с элем. Но пока он обращался к чему-то невыносимо чувственному в ней, Эмма сделала нужные выводы. Ее больше не вергнет в беззаконие греховный соблазн мужчины, который ничего в ней не увидел, кроме красивого лица и изгибов тела. Никогда больше, и не важно, что она испытывает к нему влечение.

– Ну так что, – спросила она, – мы договорились?

Люк посмотрел на нее долгим взглядом, оценивая своими глазами, полными огня и льда. Она почувствовала себя выставленной напоказ, будто он методично снимал с нее каждую деталь туалета, выжигал каждый шов до тех пор, пока одежда не рассыпалась в клочья, оставив ее полностью обнаженной.

Затем губы его изогнулись в той же чувственной, всепонимающей улыбке, и что-то в ней, в самой глубине, затрепетало в ответ.

Его губы так порочно, так чудесно прижимались к ее губам. Она хотела – ужасно хотела! – ответить на поцелуй. А ведь нужно было оттолкнуть его. Светлые и темные силы, живущие в ней, сцепились в такой яростной схватке, что она вообще не могла пошевелиться.

– Да, мы договорились, – сказал он.

Ее мышцы внезапно обмякли, и Эмма с трудом удержалась на ногах, только сейчас поняв, как сильно волновалась, что лорд Хокинз ей откажет.

Мысленно она поблагодарила его. Он дал ей надежду, что они найдут Мортонa, найдут деньги отца. Может быть, она сумеет спасти свою семью.

Силы медленно возвращались к ней. Она твердо посмотрела на Люка:

– Еще только одно, милорд.

Он выгнул бровь.

– Что именно, Эмма?

Она сглотнула, чувствуя, как вдруг пересохло во рту. Ей еще никогда не приходилось так откровенно разговаривать с джентльменами, даже с Генри. Но определенные вещи необходимо оговорить заранее.

– Вы получите мою помощь, – она сделала глубокий вдох и продолжила: – Но я не стану вступать с вами в какие-либо отношения.

Бровь оставалась насмешливо изогнутой.

– Почему?

– Я не из тех женщин, кто... легко раздает свои милости.

Люк смерил ее взглядом.

– Вы поднялись со мной наверх. Это противоречит вашим словам. Как, по-вашему, можно истолковать то, что вы пошли со мной в мою комнату? Что подумали я и все те люди внизу, в таверне?

Толкование ее поступка имелось только одно – она падшая женщина и собиралась предложить ему все, что он только потребует.

Глупо было подниматься с ним сюда... хотя, возможно, не так уж и глупо. Ее уже давно не заботит, что о ней могут подумать. Она никому ничего не должна доказывать. Он ее ничем не обидел (что-то в глубине души подсказывало, что он вовсе не опасен, во всяком случае, в очевидном смысле слова). Она была исполнена решимости заставить его согласиться на ее план, и не имело значения, какой ценой. А разговор наедине давал преимущество по сравнению с разговором в шумной таверне.

Но какой-то крохотный участок мозга побуждал ее узнать, каково это – отбросить все приличия и респектабельность, пойти наверх с неизвестным мужчиной и раствориться в чувственных наслаждениях, которые обещал его пылкий взгляд.

Эмма заговорила, осторожно подбирая слова:

– Мне все равно, что подумали другие, милорд. Главное, чтобы вы знали – ничего подобного в мои намерения не входило. Я всего лишь хотела сделать вам деловое предложение и не могу изменить того факта, что я женщина.

Он окинул ее взглядом сверху донизу, и кожа Эммы покрылась мурашками под полутраурным платьем.

– Да, вы в самом деле не можете изменить тот факт, что вы очень красивая женщина, – пробормотал Люк.

Эмма с трудом сглотнула.

– Это всего лишь деловое предложение, и ничего больше. Вы и я будем разыскивать одного и того же человека и поможем друг другу в этом.

– Ну, не знаю, – задумчиво протянул Люк. – А что, если мне потребуется общество женщины во время нашего делового партнерства?

– Тогда я временно ослепну, – машинально ответила Эмма, но при мысли о том, что он будет искать себе какую-то женщину, в груди все сжалось.

Его глаза превратились в щелочки.

– А если я решу, что этой женщиной будете вы?

– Полагаю, вы в состоянии держать себя в руках.

– Возможно, – согласился Люк. – А что, если вы не в состоянии?

Эмма рассмеялась, но даже ей самой этот смех показался фальшивым.

– Я вполне способна держать себя в руках. Впрочем, и повода не будет.

На его губах появилась ухмылка. Эмма не винила его за недоверие, она боялась, что не сумела скрыть своего волнения.

– Вас влечет ко мне, Эмма. – Он уставился на кончики своих пальцев, словно в них имелось нечто завораживающее. – Помяните мое слово, скоро вы будете умолять меня заняться с вами любовью.

– О, думаю, нет, милорд.

Он снова искоса посмотрел на нее, порочно улыбнулся и опустил руки.

– Посмотрим.

Эмма глубоко вздохнула. Щеки у нее горели. «*Пожалуйста*, Господи, не дай ему увидеть, что я покраснела», – мысленно взмолилась она.

Люк взглянул на нее и улыбнулся еще шире.

– Да, – продолжал он, – я принимаю ваше деловое предложение. Вы поможете мне отыскать Роджера Мортон и присоединитесь к моим поискам. Я воздержусь от – как вы это назвали? – ах да – от завязывания отношений с вами.

Она вполне серьезно кивнула, будто они и в самом деле всего лишь обсуждали детали сделки.

Люк поднял руку, словно останавливая ее.

– У меня есть свое условие.

Сердце ее упало.

– Какое?

– Я готов предложить вам высшее наслаждение, Эмма Кертис. И если в течение срока действия нашего соглашения вы начнете умолять... обещаю, я вам не откажу.

Глава 2

На следующее утро Эмма проснулась, едва забрезжил рассвет. Накануне она долго находилась в гостинице с Люком, но нервы были так натянуты, что заснула она с трудом, а когда в окно просочился сероватый свет, она быстро поднялась с постели и начала складывать вещи.

Выбирала она их очень тщательно, понимая, что большой багаж, возможно, станет раздражать Люка. Так что она взяла всего лишь две смены нижнего белья, ночную рубашку и еще одно платье, не новое, но когда-то очень красивое, повседневное, из белого муслина с изображением розовых и зеленых бутонов роз, украшенное лентами в тон, уже пообтрепавшимися по краям.

После смерти зятя ее отец, отказывавшийся даже частично признать Генри виновным в потере своего состояния, настоял на том, чтобы потратить чуть ли не все оставшиеся деньги на покупку двух сшитых по последней моде траурных платьев. Она носила их целый год, все лето изнемогая в них от жары. Черные, мрачные, угнетающие, теперь они выглядели потрепанными, покрылись пятнами. Только в прошлом месяце отец и сестра Джейн подарили ей полутраурное платье. Джейн сэкономила и всячески урезала расходы, чтобы позволить такую покупку. Но это платье было модным, приятного серого цвета, с черной отделкой, и Эмма снова почувствовала себя живой. Когда-то ее гардероб был переполнен модными нарядами, а сейчас у нее имелось единственное платье, в котором можно было предстать перед братом герцога.

То, что лорд Лукас – брат знаменитого герцога Трента, даже сейчас ее слегка ошеломяло. Сам герцог известен как образец совершенства, исключительно добродетельный джентльмен с безупречными принципами, уважаемый каждым жителем Англии. Правда, недавно он оказался в центре грандиозного скандала, женившись на одной из своих горничных. Волна возбуждения еще не улеглась, все еще сплетничали о герцоге и его горничной.

Джейн с Эммой следили за историей по газетным статьям и пришли к выводу, что это брак по любви. Но на их мнение о нем это не повлияло, напротив, поступок герцога только прибавил уважения к нему и вызвал сочувствие. В глазах сестер герцог Трент стал превосходным примером могущественного человека, искреннего в любви.

В некотором смысле Джейн и Эмма имели отношение к светскому обществу. Их воспитывали как богатых юных леди, в школе они ежедневно встречались с дочерьми маркизов, графов и виконтов. Но их отец занимался торговлей и не был аристократом. Они считались нуворишами, и девочки из знатных семей негодовали из-за того, что дочерей торговца принимали в престижную школу Дарбифорд. Они никогда не позволяли Джейн и Эмме забыть о раз и навсегда отведенном им месте – нижней ступеньке школьной социальной лестницы.

Поэтому когда всеми уважаемый, вызывающий восхищение герцог Трент женился на служанке, Джейн и Эмме это показалось своего рода победой. Победой простого народа. Эмма и Джейн считали его не только образцом совершенства, но и по сути своей хорошим человеком.

Вчера вечером она выяснила, что брат герцога Трента представляет собой нечто совершенно другое. «Хороший» – вовсе не то слово, которое приходит на ум, когда думаешь о лорде Люке. «Порочный», «надменный», «соблазнительный», «красивый», «безрассудный» – вот пять первых слов, характеризующих его.

Сделав глубокий вдох, начисто стерев из памяти темно-русые волосы с завитками над ушами, Эмма закрыла саквояж. Она заполнила его до краев – второе платье, нижнее белье и, поскольку с каждым днем становилось все холоднее, положила еще и свою потертую

накидку, бывшую когда-то небесно-голубой, но со временем полинявшую до унылого серого цвета.

Выпрямившись, она в последний раз окинула взглядом комнату.

Два года назад мягкий персидский ковер лежал на полу, стояла изящная кровать резного дерева с шелковыми занавесями цвета лаванды в тон шторам на окнах. Были здесь и высокий шкаф орехового дерева, и кресло, и письменный стол, за которым она писала письма.

Теперь ничего этого здесь не было: все пришлось продать покупателю, предложившему самую высокую цену, вместе с желтым шелковым стеганым покрывалом, когда-то застилавшим кровать.

Может быть, когда-нибудь она получит все обратно. Но только в том случае, если сумеет найти Роджера Мортон и выяснить, что этот ужасный человек сделал с деньгами ее отца.

Взяв саквояж, Эмма вышла из комнаты в длинный пустой коридор. Отец перевез их в этот огромный современный дом на окраине Бристоля, когда ей было три года, а Джейн и вовсе была младенцем. До того они жили около гавани, рядом с корабельным цехом отца. Он лично следил за тем, как строятся большие английские корабли, господствовавшие потом в океанах по всему миру.

Спустившись вниз, Эмма проскользнула в его кабинет, которым сейчас в основном пользовалась сама. Отец редко покидал свою спальню – он страдал от водянки, но не только. Никто не мог точно сказать, что вытягивает силы из его тела, хотя Эмма предполагала, что причина в разбитом сердце. Когда умерла их мать, отец едва держался. Потом убили Генри... Роджер Мортон украл у них все, и отец погрузился в глубокое уныние – болезнь, которую никто не мог вылечить. Эмма не могла вернуть маму – это, увы, невозможно, – но отцовские деньги все еще где-то есть. И она сделает все, что в ее силах, чтобы вернуть их ему.

Может быть, тогда папа хотя бы попытается бороться с болезнью. У них появятся средства, чтобы пригласить к нему лучших врачей, чтобы заново обставить и согреть дом, создать для него уют, купить лучшие лекарства.

Эмма поставила саквояж на пол у двери кабинета, вытащила со стеллажа ключ, который прятала между «Сном в летнюю ночь» и «Ричардом III» – двумя томами на единственной полке, где еще остались книги. Когда-то все стенные стеллажи были забиты книгами, но сейчас полки стояли пустыми, за исключением этой одной.

Она подошла к письменному столу, отперла обитый бархатом маленький ящичек, спрятанный в глубине большого, и вытащила из него отцовский пистолет. Смертельное оружие, словно безобидная игрушка, невинно лежало у нее в руке. Эмма тщательно его проверила, положила в ящик и заперла, подошла к двери, закрыла ее на ключ.

Опустившись на колени, она вынула все из саквояжа и на самое дно положила шкапу с пистолетом. Затем положила туда два документа, которые до тошноты изучала весь прошлый год, – те, что обвиняли Роджера Мортон в убийстве Генри и в преступлениях против ее отца, а сверху закрыла это все одеждой.

Вернулась к столу, вытащила чернильницу, перо и исписанный лист бумаги, перевернула его чистой стороной вверх и стала записывать подробнейшие указания для Джейн.

Указания включали перечисление всех лекарств отца, напоминание о ежедневных упражнениях, рекомендованных одним из докторов, список продуктов, запрещенных к употреблению, и тех, что, по словам врача, пойдут ему на пользу. Кроме того, написала, что их средства почти истощились, и объяснила, как вести себя со сборщиками долгов, если такие заявятся.

Эмма перечислила для Джейн самые лучшие и недорогие магазинчики для покупки провизии и прочих необходимых вещей. Дала исключительно точные и подробные распоря-

жения, как поддерживать в порядке дом и шесть акров прилегающей земли. А в конце записала свои соображения о том, где взять средства, если кто-либо из сборщиков окончательно потеряет терпение. Скорее всего этого не произойдет – до сих пор ей удавалось умиротворять большинство из них, и она намеревалась вернуться в Бристоль через несколько недель. Но на всякий случай она по порядку перечислила все, что можно будет продать: «Папину кровать – его можно перевести в мою спальню. Оставшиеся книги».

Тут Эмма поморщилась. Она оставила в библиотеке только самые любимые книги, и продать их – все равно что потерять часть сердца.

«Письменный стол из кабинета». Тот самый, за которым она пишет сейчас, одна из последних вещей, купленных отцом в пору процветания.

«Мамины жемчужные серьги и золотое кольцо». Ей было физически больно написать это. Эти драгоценности были единственным, что осталось у них от матери. Когда они перебирали мамины вещи и продавали их, Эмма решила, что они с сестрой должны сохранить хоть что-то, напоминающее о ней. Эмма выбрала себе серьги, а Джейн – кольцо.

В самом конце она перечислила нескольких бристольтцев, которые были готовы купить указанные вещи.

Вздыхнув, Эмма встала из-за стола, вернулась наверх и вошла в комнату Джейн, когда-то прелестную, а теперь такую же пустую.

Джейн только что проснулась. Ранняя пташка, как и сама Эмма, ее двадцатилетняя сестра была умной и компетентной. Эмма не сомневалась и не тревожилась, оставляя папу в умелых руках Джейн.

Джейн села, потирая глаза.

– Эмма, что-то случилось с... – Она вдруг осеклась, увидев саквояж, который крепко держала сестра. Поймала ее взгляд и широко распахнула глаза. – Куда ты собралась? – выдохнула она.

– Уезжаю с лордом Лукасом, – ответила Эмма. – Мы отправляемся сегодня утром.

– Эм! – воскликнула Джейн, глядя на нее огромными глазами.

– Это моя единственная надежда отыскать Роджера Мортон. Лорд Лукас хочет найти его так же сильно, как и я, но дело не только в этом. У него есть поддержка герцога Трента – все средства для того, чтобы этого ублюдка настигло правосудие.

Джейн вздрогнула, как и всякий раз, когда Эмма использовала крепкие выражения. Нахмурившись, она выскользнула из кровати. Подол белой ночной рубашки обвился вокруг ее лодыжек.

– Но ты не можешь путешествовать с ним одна! Возьми с собой Марту.

Марта была их горничной – единственной служанкой, оставшейся с ними в доме, из которого постепенно ушли дворецкий, с полдюжины лакеев, экономка, горничные, уборщицы, кухарка и посудомойка.

– Ни в коем случае. Она потребуется тебе тут. Ты не сможешь одна вести дом и ухаживать за папой.

– Ты что, с ума сошла?

– А ты?

Сестры с вызовом во взглядах уставились друг на друга. Но Джейн знала, что Эмма не отступит, и первая опустила глаза.

– Люди начнут болтать. Ты понимаешь, как это отразится на твоей репутации?

Эмма скривила губы.

– Какой репутации? Я вдова без денег и перспектив. Вряд ли какой-нибудь джентльмен заинтересуется мной теперь. Моя репутация не имеет никакого значения, и я с радостью променяю ее на возможность вернуть то, что по праву принадлежит нам.

Джейн вздохнула:

– Но все-таки мне хочется, чтобы ты хорошенько подумала.

– Я и подумала. Выбора у меня нет. – Эмма шагнула вперед. – Джейн, а ты думала о том, что будет, если папино состояние к нему вернется? Что это будет для него означать?

– Ну конечно, думала. Но я бы в жизни не предложила тебе пожертвовать собой ради папы. Неужели нет решения, которое пошло бы на благо вам обоим?

– Это и есть решение, – отрезала Эмма. – Со мной ничего не случится. Лорд Лукас... – она с трудом выговорила следующее слово, поскольку ни капли в это не верила, несмотря на его родословную, – джентльмен. – И нанесла решающий удар: – Не забывай, он брат герцога Трента.

Джейн тоскливо вздохнула, как поступила бы любая другая молодая леди в Англии при упоминании имени герцога Трента.

– Ты права, я об этом забыла. – Она выпрямилась. – В таком случае я уверена, что он понимает, в каком щекотливом положении ты окажешься, и сделает все, чтобы уберечь твою репутацию в свете.

«Вам нравится, когда вас связывают, миссис Кертис?» – вспомнила Эмма слова лорда Лукаса и вздрогнула.

– Совершенно верно, – соврала она сестре. – Он будет вести себя очень осторожно, я в этом не сомневаюсь.

Джейн наморщила лоб.

– Эм, мне все равно это не нравится.

– У нас нет выбора, – повторила Эмма.

– Хотелось бы мне придумать что-нибудь другое.

– Мы все пытались что-то придумать, но ничего не получилось.

– Ты прощаешься с отцом?

– Не думаю, что это хорошая мысль.

Сестры немного помолчали, затем Джейн сказала:

– Ты права. Наверное, это ни к чему. Он попытается убедить тебя остаться, ты начнешь с ним спорить...

– Я не уверена, что состояние его здоровья позволит выдержать такой удар, – закончила Эмма.

– Да, лучше не рисковать.

– Я и не буду.

– Но что я ему скажу? – прошептала Джейн, в ее карих глазах застыли озабоченность и тревога.

Эмма закрыла глаза, обдумывая различные оправдания своего отъезда: она уехала отдохнуть с мисс Делапорт, школьной подругой; бабушка позвала ее в Лидс, потому что заболела и хочет увидаться; она чувствует себя неважно и боится заразить домочадцев – не хочет, чтобы папа ослабел еще сильнее.

– Скажу ему правду, – решила Джейн. – Больше-то ничего не остается.

– Нет, – спокойно возразила Эмма. – Скажешь, что я уехала в Шотландию, помочь попавшей в беду подруге. – Однажды Генри сказал ей, что лучший способ соврать кому-нибудь – держаться как можно ближе к правде. – Скажешь, что я вернусь через несколько недель.

– Ты же знаешь, он спросит, кто тебя увез!

Эмма поджала губы.

– Скажешь ему... что это родня герцога Трента. А если он потребует подробностей – что ж, тебе придется соврать. – Потому что если Джейн расскажет отцу, что она уехала с мужчиной, ни к чему хорошему это не приведет. – Скажешь, это родственница герцога Трента.

Джейн ничего не ответила, приняв суровый, но смиренный вид. Выглядела она куда старше двадцати лет. Прошедшая весна должна была быть ее вторым сезоном. В прошлом году она получила пять предложений руки и сердца, в том числе от одного барона, и отказала всем.

Разумеется, в этом году денег на сезон у них уже не было. И теперь, когда они обнищали, Джейн говорила Эмме, что приняла бы любое из этих пяти, выпади ей такая возможность. Но, конечно, никто этих предложений не повторил. Больше на Эмму и Джейн внимания не обращали.

– Спасибо, Джейн. – Эмма поставила саквояж на пол, шагнула вперед и крепко обняла сестру. – Заботься о нем.

– Обязательно.

– Я найду способ вернуть папины деньги, – пообещала Эмма. – По крайней мере попытаюсь.

– Я знаю, – отозвалась Джейн. – Когда ты настроена так решительно, тебя ничто не остановит.

Люк с силой поморгал. В глаза как будто песку насыпали. Чувствовал он себя так, словно проспал не больше получаса, хотя, судя по яркому дневному свету, бившему в окно, было около полудня.

Его внимание привлекло какое-то слабое движение. Он приподнял с подушки голову, снова поморгал, и перед глазами проявилась женская фигура, облаченная в нечто черно-белое. Она сидела на единственном стуле в комнате, стоявшем в углу, и в упор смотрела на него с терпеливым выражением на прелестном лице.

– Вы одеты, – сказал он хриплым спросонья голосом. – Это недопустимо.

Золотисто-карие глаза дерзко встретили его взгляд, бровь приподнялась.

– В это время дня многие люди предпочитают быть в одежде. Я – одна из них.

Люк сомкнул веки и снова опустил голову на подушку. Губы его тронула улыбка.

Вчера вечером он получил подлинное удовольствие от ее общества, хотя она и стояла, как одеревеневшая, когда он ее целовал. Потом она сделала ему предложение, от которого он не смог отказаться – несмотря на ее требование не вступать с ней ни в какие отношения.

Вспомнив это, он громко хмыкнул.

Он не будет торопиться. Он не из тех, кто принуждает женщину. Не будет торопить события. Несмотря на то, что даже лежа тут, в неудобной кровати дешевой бристольской гостиницы, он хочет, чтобы она оказалась рядом с ним. Обнаженная.

Похоже, у него достаточно времени, чтобы преодолеть ее сопротивление. В конце концов, именно она настояла на путешествии вдвоем.

Люк открыл глаза и обнаружил, что она по-прежнему смотрит на него с тем непроницаемым выражением, от которого у него внутри все завязалось в узел, и хотелось только одного – разрушить стену ее обороны.

– Доброе утро, Эмма, – пробормотал он.

– Доброе утро, милорд.

– Люк.

Она почти улыбнулась:

– Люк. Вы в самом деле предпочитаете это? Наверняка вы больше привыкли к обращению «милорд».

Негромкий чувственный голос Эммы словно омыл его, и Люк почувствовал непреодолимое влечение к этой женщине.

– Мм. – Это все, что он сумел пробормотать. Чертовски верно, он предпочитает, чтобы его называли по имени, данном ему настоящей матерью. Все остальное – бутафория. И хотя

обычно он спокойно разрешал женщинам называть его так, как им – черт побери! – захочется, по какой-то причине ему хотелось, чтобы Эмма звала его настоящим именем, даже если он и не может объяснить ей почему.

– Думаю, мне понравится называть вас Люком. Звать сына герцога именем, данным ему при крещении, это так дерзко. Всякий раз мне будет казаться, что я совершаю нечто исключительно порочное.

– Превосходно! Когда слова «порочно» и «дерзко» связаны с вами, они мне очень нравятся, – сказал Люк.

Она покачала головой, негромко засмеявшись.

Люк потянулся и спустил с кровати ноги. Он был в одной рубашке, но она вроде бы не возражала. «Очевидно, ей и раньше доводилось видеть встающих с постели полуодетых мужчин». Эта мысль не улучшила его настроения.

Эмма – сплошное противоречие. То она сурова, то она игрива. Флиртует с ним и тут же становится холодна. Интересно, что за мысли бродят в этой очаровательной головке?

Люк поднял валявшиеся на полу штаны, надел их, встал, потянулся и дернул шнур звонка, требуя принести воду. Потом повернулся к Эмме.

Она выглядела в точности, как вчера вечером, только сейчас была без белого чепца, но вроде бы в том же самом платье, причем безупречно выглаженном. Интересно, может, она просидела тут всю ночь? Мысль проскользнула мимолетно, но Люк наморщил лоб. Он смутно помнил, что она ушла как раз перед тем, как он разделся и измученный рухнул в постель. И снов никаких не видел. Спал как убитый, слава богу.

– А сколько времени?

– Начало первого, – ответила она.

Люк вздохнул и потер висок, пытаясь утишить зарождающуюся головную боль.

– Принести вам что-нибудь? Еду или питье?

– Нет, – отказался он, вспомнив, что уже позвонил. Еще не хватало, чтобы леди разыгрывала перед ним служанку! – Спасибо, – добавил Люк, спохватившись. Опустив руку, он перевел взгляд на нее. – Одному богу известно, сколько времени вы просидели тут, дожидаясь, пока я проснусь. Надо полагать, вы придумали план, но придется его отложить из-за того, что я встал так поздно?

Черт, она и вправду выглядит, как женщина, имеющая план, – такая аккуратная и спокойная. А у него в голове все путается, да еще он проспал полдня.

Эмма поджала губы. Такие восхитительные, полные губы. Ему тут же захотелось еще раз попробовать на вкус их спелую сладость.

– Ну, – медленно протянула она, – должна признать, что наблюдать за тем, как вы спите, оказалось не так уж трудно. Во сне вы выглядите весьма невинно.

«Он – невинно?» Люк хмыкнул, но она не обратила на это внимания.

– Однако я думала о том, как мы будем действовать, – добавила она деловым тоном. – Полагаю, начать следует с изучения бумаг, содержащих ключ к местонахождению Роджера Мортон.

Люк кивнул.

– А потом поедem.

– Не желаете сообщить мне, куда именно мы поедem?

– В Шотландию.

Он вскинул брови.

– А-а. Пожалуй, мне стоит увидеть эти бумаги.

– Разумеется.

Она встала со стула и опустилась на колени рядом с потертым саквояжем. Вытащила из него небольшую стопку аккуратно сложенной одежды, и Люк догадался – это все, что она

сочла нужным взять в дорогу. Вряд ли там больше одного платья. Багажа в половину меньше того, что всюду таскает за собой он.

Эмма вытащила бумаги, положила их на небольшой круглый столик, потом убрала одежду в саквояж.

Постучала служанка. Люк открыл дверь, велел принести воды для умывания и легкий завтрак на двоих, затем снова повернулся к Эмме, которая уже села обратно на стул и теперь терпеливо ждала, сложив руки на коленях.

Он сделал два шага в ее сторону – чертовски маленькая комната! – и протянул руку.

– Позвольте взглянуть.

Она взяла из стопки первый лист и подала ему.

Люк пробежал взглядом.

– Похоже, это квитанция о переводе денег из Банка Англии.

– Совершенно верно. Однако подпись здесь не моего отца. Она подделана.

– Вы думаете, Роджер Мортон подделал подпись, а затем забрал деньги вашего отца и сбежал?

– Да. Но прежде чем покинуть Бристоль, он убил моего мужа. Генри имел к этому какое-то отношение, не знаю точно, какое именно. Должно быть, он знал о намерениях Мортон... – Ее голос оборвался.

Люк взглянул на нее поверх смятого листка, отметил порозовевшие скулы. Как гадко, должно быть, она себя почувствовала, обнаружив, что ее собственный муж оказался втянут в аферу похищения семейных сбережений.

– Сколько денег украл Мортон? – негромко спросил он.

– Все.

Он медленно выдохнул и снова посмотрел на документ. Больше пяти тысяч фунтов.

– Были и еще?

– Да, – бесстрастным голосом ответила она. – И немало.

– Вам известно, куда делось остальное?

Эмма покачала головой.

– Нет. Это единственный документ, который мне показался странным, когда я просматривала личные бумаги мужа после его смерти. Сначала я просто удивилась такой крупной снятой сумме. Пошла к отцу, и выяснилось, что он ничего об этом не знает.

– Почему этот документ оказался у вашего мужа?

– Он знал Мортон. У них было своего рода сотрудничество. – Эмма сглотнула и отвернулась. Пальцы ее барабанили по коленке так же, как вчера вечером по столу в таверне. – Я отправилась на ту улицу в Бристоль, которая была указана, как место доставки денег. Владелица дома сообщила, что человек по имени Роджер Мортон иногда останавливается у нее, но она его уже некоторое время не видела. С того дня, как... – Эмма набрала в грудь воздуха, – со дня смерти мужа.

Она внезапно показалась невероятно уязвимой. Одинокой. И, повинувшись не знакомому доселе порыву, Люк вдруг захотел подойти к ней, заключить в свои объятия и пообещать, что все будет хорошо. Но он не мог этого сделать. С какой стати? Он даже не знает, не будет ли это обещание враньем.

Эмма еще раз прерывисто вздохнула и продолжила:

– Хозяйка позволила мне заглянуть в комнаты Мортон. Именно там я нашла нераспечатанное письмо. – Она показала на лежавший перед ней лист бумаги. – А когда я ее спросила, она сказала, что письмо доставили восемнадцатого сентября прошлого года.

Эмма протянула ему лист, и Люк понял, что все ее свидетельства состоят всего лишь из двух бумаг – квитанции о переводе денег в дом, где снимал жилье Роджер Мортон, и этого письма.

Он развернул его и прочел:

Вы тянете слишком долго. Ваши делишки с Кертисом не делают Вам чести. Заканчивайте все дела с ним – он крадет и Ваше время, и мое. Если к первому октября я не получу полного отчета по причитающейся сумме, будут приняты дальнейшие меры.

Не испытывайте моего терпения.

Не забудьте, что осенние месяцы я провожу в своей резиденции в Шотландии. Деньги пошлите непосредственно мне по адресу: церковь Даддингстон, Эдинбург.

К. Макмиллан

Люк перечитал письмо дважды, затем взглянул на Эмму. Сегодня седьмое октября. Прошел год с предельного срока, указанного в письме.

Эмма сидела без головного убора, ее шляпка висела на одном из колышков, вбитых в стену двери. Солнце светило прямо на ее восхитительные волосы, сверкающие разными оттенками бронзы, красного дерева и золота. Эмма закрутила их в тугий узел на затылке – настолько тугой, что ни один завиток не курчавился у нее над ушами, как вчера ночью.

Она сидела неподвижно, лишь ее пальцы барабанили по коленке. Люк хотел, чтобы она расслабилась и откликнулась на его объятия... Хотел вытащить все шпильки и распустить эти дивные, густые волосы необыкновенной красоты. Хотел отыскать те «шпильки», что заставляли держаться так напряженно ее тело, и выкинуть их подальше.

Может быть, если он разыщет этого ублюдка Роджера Мортон, все у него получится.

– Когда убили вашего мужа? – негромко спросил он.

– В прошлом году, семнадцатого сентября.

Значит, письмо доставили в жилище Мортон через день после того, как он завершил свои мерзкие делишки с Кертисом. Письмо осталось нераспечатанным, стало быть, к этому времени Мортон уже убрался из Бристоля.

– Я понимаю, почему вы стали подозревать Мортон, прочитав это. Письмо определенно связывает его с убийством вашего мужа. И служит свидетельством того, что этот Макмиллан тоже соучастник.

– Да. – Она смотрела потухшим, непроницаемым взглядом.

Интересно, она скорбит по Кертису? Возможно, она не столько убита горем, сколько гневается.

– И как его убили?

Она устала на свои руки, сцепленные на коленях.

– Утопили в Эйвоне. Сначала мы ничего не заподозрили. Он не в первый раз исчезал куда-то на всю ночь...

– На всю ночь? Куда?

Ее грудь вздымалась и опускалась, привлекая к себе внимание.

Люк собрал все силы, чтобы сосредоточиться!

– Я не знаю. Думала, может, отправился в какую-нибудь таверну на берегу. Или в один из игорных домов.

– Сколько вы были женаты? – Он забыл, что она говорила ему прошлой ночью, помнил только, что не долго.

– Три месяца.

Люк прищурился. Какой новобрачный оставит жену – особенно такое дивное создание, как Эмма! – одну, чтобы пьянствовать в грязной таверне или тратить деньги в жалком игорном доме?

Глядя на ее порозовевшие щеки, выделявшиеся на бледном лице, на эти полные греха губы, он длинно выдохнул:

– Как вы узнали о его смерти?

– К следующему вечеру я начала беспокоиться. Он еще никогда не уходил так надолго. Мы с сестрой известили полицию, которая начала поиски. Свидетели сообщили констеблю, что видели мужа пьяным, когда он выходил из таверны и направился к реке с каким-то мужчиной. Позже нашли мокрое, порванное пальто Генри и рядом испачканный носовой платок с вышитыми на нем инициалами Р. М. Я считала этот платок случайным совпадением до тех пор, пока не обнаружила участие во всем этом Роджера Мортон.

Эмма сжимала и разжимала на коленях руки, когда появился один слуга с едой, а другой – с тазом и водой. Места для всего этого на маленьком столе не хватило, так что Люк велел расставить все в разных местах, в том числе на кровати и полу.

Люк умылся, затем придвинул столик к кровати, поставил на него поднос с едой и жестом предложил Эмме подвинуть стул. Сам он уселся на краю кровати. Она по-прежнему смотрела себе на колени. Плечи ее едва заметно поднимались и опускались с каждым глубоким вдохом и выдохом.

– Придвигайтесь сюда, Эмма, – негромко позвал он. – Поешьте.

Она посмотрела на него в первый раз за это время, кивнула и передвинула стул на несколько дюймов, чтобы оказаться за столом напротив Люка.

По комнате плыли ароматы подливки и жареного мяса. Еда была простой, деревенской, но очень вкусной: пирог с голубями, запеченные овощи, яблочный пирог и слабый эль, чтобы запить все это. Люк поровну разложил еду на две тарелки и не притронулся к вилке до тех пор, пока Эмма не взяла свою и не начала гонять по тарелке кусок пирога.

– Простите меня, – мягко произнес он.

Она удивленно взглянула на него.

– За что?

Он пожал плечами.

– За то, что заставил вас все пережить заново. Я же вижу, что вам больно вспоминать.

– Да ничего страшного, – ответила она, но в глаза ему не посмотрела, делая вид, что занята едой.

Они несколько минут ели в полном молчании, потом Эмма попросила:

– Расскажите мне про герцогиню. Что с ней случилось?

– А-а, про мою мать. Еще одна мрачная тема.

Она негромко сказала:

– Извините.

– Извиняться ни к чему, – отозвался он. – Все в порядке. – Снова воцарилась тишина. Люк отправил в рот кусок аппетитного пирога с голубями и начал его жевать. – А что именно вы слышали о приключившемся с моей матерью?

– Не так уж и много. Только то, что она исчезла весной. А недавно услышала, что герцог и его семья боятся, что случилось худшее.

Люк нахмурился, не поднимая глаз от тарелки с едой.

– Ну да, это все правда. И к несчастью, даже после стольких месяцев мы не располагаем особой информацией. Все, что у нас есть, – это Роджер Мортон.

Эмма слегка подалась вперед.

– Почему вы считаете, что этот человек причастен к ее исчезновению?

– Моя мать исчезла из Айронвуд-Парка, взяв с собой двух слуг. Одна из них, горничная, – умерла. – Люк до сих пор не мог избавиться от образа обнаженной Бинни, лежавшей в морге на столе, окоченевшей, белой и холодной. Им с братом пришлось выслушать от пато-

логоанатома небольшую лекцию о внутренних органах, прежде чем он приступил к вскрытию тела Бинни.

– Сочувствую, – сказала Эмма.

Он хмуро посмотрел на нее.

– Потребовалось несколько месяцев, чтобы разыскать слугу-мужчину, а когда нам это все-таки удалось, он сообщил, что человек по имени Роджер Мортон увез мою мать из Айронвуд-Парка в Уэльс, где держал в доме в Кардиффе. Через несколько недель мать отпустила обоих слуг, так что больше нам ничего не известно.

Эмма нахмурилась, между ее бровями появилась морщинка.

– У Мортон была любовная связь... с вашей матерью?

– Нет. – Люк пожал плечами. – Вообще-то я не знаю точно. Но, судя по словам слуги, он ей подчинялся, будто сам был слугой. Это не похоже на ее обычное поведение с любовниками.

Эмма широко распахнула глаза.

– Ну да, у нее было множество любовников, – сухо бросил Люк. – Хотя не могу не отдать ей должное. Я видел всего с полдюжины или около того, однако знаю, что их было гораздо больше. Она пыталась вести себя осмотрительно. Попытка, конечно, слабая, но тем не менее.

– Господи. – Похоже, она не знала, что еще сказать.

Они снова молча занялись едой. Через несколько минут Эмма спросила:

– Вы искали их в Кардиффе?

– Да, но и Мортон, и моя мать давно оттуда уехали. Никто не мог сказать, покинули они город по отдельности или вместе. Я сумел найти в пабе человека, который знал кого-то с этим именем и описал его в точности, как и слуга матери, – темные волосы и глаза, непримечательные черты лица. Сказал, что тот, кого я ищу, жил в Бристоле и был завсегда-таем тамошних таверн, игорных домов и борделей. Сказал, что у меня есть хорошие шансы найти его в Бристоле.

– И тогда вы приехали сюда.

Люк положил в рот кусочек яблочного пирога, прожевал и проглотил, наслаждаясь пряным сладким вкусом.

– И тогда я приехал сюда.

– А теперь... Шотландия? – спросила она.

– А теперь я отыщу в Шотландии этого Макмиллана и посмотрю, что нового он знает о местонахождении Мортон, – согласился Люк. Эдинбург, конечно, находится чертовски далеко, до него почти четыреста миль. И потребуется много времени и сил, чтобы добраться туда. Но что ж делать, выбора нет. Этот «К. Макмиллан» – единственная его зацепка.

Эмма посмотрела на свою тарелку, потыкала вилок в ломтик печеного яблока.

– Я хотела поехать в Эдинбург с тех пор, как нашла это письмо, но просто не могла придумать, как это сделать.

Правильно. Одинокой женщине, у которой умер муж и пропали все деньги – были украдены, – практически невозможно преодолеть такое расстояние. И все-таки странно, что она обратилась к Люку – одинокому мужчине и совершенно ей не знакомому.

– У вас есть семья? Кто-нибудь, кто мог бы вам помочь?

– Нет. Отец болен, а сестра должна ухаживать за ним. Кроме них есть еще престарелая бабушка, она живет в Лидсе.

– Слуги?

– Осталась только одна. Она тоже должна остаться дома. – Эмма подняла на него безрадостные янтарные глаза. – Джейн не сможет обойтись без ее помощи.

– Вы же понимаете, почему я спрашиваю, верно? Такая поездка погубит вашу репутацию.

Она скованно улыбнулась:

– Мне казалось, вы говорили, что даже не задумываетесь о таких вещах.

– Я и не задумываюсь. – Он пожал плечами. – Но вы могли бы. – Люк серьезно посмотрел ей в глаза. – Мне уже приходилось отвечать за погубленную репутацию молодой женщины. И это оказалось крайне неприятно.

– Для вас или для молодой женщины? – поинтересовалась Эмма.

– Для молодой женщины. Я не пострадал.

Губы Эммы дернулись.

– В этом я уверена. Должна сказать, для меня большая честь видеть, что вы проявляете обо мне такую заботу, милорд...

– Люк.

– Люк. Но право же, моя репутация – это мое дело, а не ваше.

– Разумеется, – снисходительно отозвался он и посмотрел на нее с беспечной улыбкой, давая понять, что тема закрыта. Но на душе было беспокойно. Он действительно боялся за нее.

Ну в самом деле, какое ему дело до ее репутации? Он в жизни не заботился о том, что общество думает о дамах, с которыми имел какие-то отношения, и не понимал, почему нужно начинать волноваться сейчас.

В любом случае он всей душой стремился к тому, чтобы сокрушить оборону Эммы Кертис и заставить ее умолять...

Глава 3

«Он шутит», – подумала Эмма.

Она стояла перед гостиницей, уставившись на двуколку – двуколку, а не дилижанс или карету, на поиски которых, по мнению Эммы, он отправился, чтобы подобрать экипаж для поездки в Шотландию.

Перед уходом он велел ей подождать в гостинице. Эмме хотелось возразить – она отлично знала, куда нужно идти в Бристоле, чтобы нанять экипаж за лучшую цену, но ей еще хватало мудрости, чтобы понять – ее не должны видеть в городе с ним. Она знает здесь слишком многих.

Ей все-таки казалось, что лорд Лукас озабочен ее репутацией сильнее, чем готов признать. От этой мысли где-то внутри шевельнулась радость – теплое, странное чувство, подобного которому она никогда не испытывала.

Он устроился на сиденье и, держа в руках вожжи, смотрел на нее. Черный сюртук облегал его плечи так, что Эмма невольно задышала чаще. Он выглядел лихим красавцем, настоящим прожигателем жизни, денди, пытающимся поймать взгляды всех леди – и преуспевшим в этом, потому что две юные девушки хихикали и посматривали на него с противоположной стороны улицы. Он выглядел беспечным лондонским джентльменом на прогулке, а не человеком, отправляющимся в путешествие длиной в четыреста миль через всю страну.

Люк озорно улыбнулся Эмме, и его голубые глаза заискрились под полуденным солнцем.

– Ну, что вы об этом думаете?

У него за спиной по мостовой сновали другие экипажи, куда более подходящие для долгих поездок. Улица пахла городом – в воздухе Бристоля всегда ощущался солоноватый привкус, словно он никак не мог прогнать океан с улиц. Люди входили в гостиницу и выходили из нее, плотно закутавшись в пальто, как сама Эмма в накидку.

Не услышав ответа на вопрос, Люк спустился вниз, привязал лошадей и подошел к Эмме.

– Я заполучил его по превосходной цене. – Он взял Эмму под локоть, подвел сзади к неустойчивой конструкции. – Это дорожный кабриолет. Видите – к нему сзади приделан багажный ящик вместо подножки для ливрейного гrooms?

– Разве не лучше было бы ехать в карете? – спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал спокойно.

Он нахально изогнул бровь.

– Нет. Тогда мне придется нанимать кучера.

Он же брат герцога. Наверняка ему должно хватить денег на кучера. Эмма нахмурилась.

– Я предпочитаю управлять лошадьми сам. Раз уж мне не придется ехать через всю Англию верхом, то я хотя бы могу управлять экипажем.

Эмма постаралась не поморщиться, услышав это. Она понимала, что своим присутствием доставляет ему неудобства, знала, что в город он въехал верхом. Если бы она не потребовала взять ее с собой, ему не пришлось бы думать об экипаже. Сделав глубокий вдох, она сказала:

– Понимаю. Но эта двуколка выглядит... такой хрупкой. Что-то я сомневаюсь, что она выдержит долгую дорогу по Англии.

Она уже представляла себе, как колесо налетает на камень и все рассыпается в щепки. То есть двуколка – в щепки, а они с Люком и несчастные лошади превращаются в кровавую массу переломанных костей.

Эмма посмотрела на лошадей – изящная и гибкая серая и крепкая, кряжистая вороная. Совершенно не подходящая пара. Люк перевел на Эмму взгляд голубых глаз и легонько пожал ее локоть.

– Вы боитесь? – мягко спросил он. – Не думаю, что это путешествие для слабых духом.

– Я не боюсь путешествия, – отрезала она, расправив плечи. – А вот экипажа этого боюсь. Вы задумали нас убить?

– Только не вас, – ответил он.

Не зная, как это понимать, Эмма сказала:

– И погода все время меняется. Что, если пойдет дождь?

– На этот случай имеется складной верх.

Она повернулась и взглянула ему в лицо, сведя нахмуренные брови вместе и стараясь не слишком громко скрипеть зубами.

– Да. Я вижу этот верх. Крохотная штука, проку от которой будет меньше, чем от летнего зонтика.

Люк смотрел на нее, вопросительно подняв бровь. В глазах плескались искорки смеха.

Эмма показала на заднюю часть двуколки, точнее, на сложенный верх.

– Это уберезет нас от десятиминутного дождичка. Но за день трудной дороги под проливным ливнем мы промокнем насквозь, подхватим пневмонию и... – она щелкнула пальцами, – умрем.

Люк фыркнул.

– В таком случае я предлагаю во время сильных ливней укрываться в теплых, сухих, уютных гостиницах. Разумеется, в постели.

Эмма, прищурившись, смерила его взглядом, но сделать, разумеется, ничего не могла. Просители не выбирают, и, конечно, у нее не было денег, чтобы самой нанять более удобный экипаж.

– Очень хорошо, – вздохнула она. – Я буду молиться, чтобы вы не привезли нас прямо к смерти.

Спустя два часа они оставили Бристоль позади и под прохладным, водянистым голубым небом направились по бристольской дороге на север. Поскольку выехали они после полудня, а в это время года темнело рано, далеко им сегодня уехать не удастся.

Сверившись с одним из двух томов «Путеводителя по Британии» Паттерсона, оставленных Люком на сиденье, Эмма решила, что остановятся они в месте под названием «Кембридж Инн» возле деревни Слимбридж.

– Отлично, – сказал Люк. – А потом поедem дальше по этой дороге на Вустер. Добедемся туда к завтрашнему вечеру и проведем там ночь и день, прежде чем отправимся дальше на север.

– Почему? – нахмурившись, спросила она. Теперь, когда они уже отправились в путь, малейшая задержка нервировала ее. Вот бы закрыть глаза и в мгновение ока перенестись в Эдинбург!

– У меня там есть кое-какие дела. Поверьте, мне так же не терпится отыскать Мортонa, как и вам, но я должен кое-что сделать. – Другого объяснения он не предложил.

Эмма сложила руки на коленях и промолчала. Ее мучало невыносимое любопытство, но, по сути, его дела в Вустере ее совершенно не касаются.

Она откинулась на спинку сиденья и стала наблюдать за Люком. За какое-то мгновение он переходил от расслабленной беспечности к решительной властности. А глаза его то искрились смехом, то мрачно блестели.

Очень сложный человек. Он сбивал ее с толку, тревожил и не имел ничего общего с ее представлениями о нем. Теперь она понимала, что ожидания ее обманули. Он брат герцога Трента и представлялся ей олицетворением звездной репутации брата. Но возможно, даже сам герцог Трент не был воплощением собственной репутации.

По здравом размышлении Эмма даже радовалась, что Люк не оправдал ее ожиданий. Будь он таким, он бы просто не взял ее с собой.

И этот мужчина был куда более притягательным, чем она могла себе вообразить.

Он посмотрел на нее. В голубых глазах отражался луч заходящего солнца. И что-то в душе ее сжалось. Он такой красивый – это она как раз предполагала, но не ожидала такой реакции на его красоту. Чересчур сильной.

– Вы рассматриваете меня в упор, – спокойно заметил он.

– Простите. – Эмма быстро отвела взгляд. – Это вам неприятно?

Люк засмеялся, и в его смехе прозвучала живая радость, которая, впрочем, тут же и исчезла.

– Нет, Эмма, – хрипловато произнес он. – Смотрите, сколько хотите.

– Хорошо, буду. – Она чувствовала себя противно упрямой, но не могла ничего с собой поделать. Холодало, ветер проникал не только под накидку, платье и нижнее белье, но и под плед, которым она укутала ноги. Наверное, где-нибудь по дороге пойдет и снег – и тогда он увидит, сколько пользы будет от этого дурацкого складного верха.

Эмма поплотнее укутала колени шерстяным пледом, купленным Люком, и вздрогнула. Жаль, что она не взяла с собой пальто потеплее, но ей даже в голову не пришло, что они будут путешествовать в открытом экипаже.

Может, хватит возлагать какие-то надежды на этого мужчину?

«Вам нравится, когда вас связывают, миссис Кертис?» – снова пронеслось в голове.

Она вздрогнула.

– Замерзли? – спросил он.

– Нет, – соврала она.

– Я вижу. – Он искоса глянул на нее и приказал: – Натяните плед повыше, чтобы укрыть плечи.

Эмма внутренне насторожилась, услышав такой повелительный тон, но послушалась – подтянула плед к груди и заправила за плечи.

– Так лучше?

– Да, – вынужденно призналась она.

Он направил лошадей к крутому повороту. Эмма вцепилась в сиденье – всякий раз, как они поворачивали, ей казалось, что двуколка вот-вот опрокинется и они разобьются насмерть.

– О, не так уж все и плохо. – Люк откровенно веселился.

Эмма сердито посмотрела на него.

– Эта двуколка предназначена для езды по безупречным лондонским улицам, а не по кочкам и выбоинам сельских дорог Англии.

– Ага. Вижу, вы никогда не бывали в Лондоне.

– Я бывала в Лондоне, – возразила она. – Провела там два сезона.

– И там встретили своего мужа?

– Да. Заметьте, не во время светских мероприятий. Мы встретились с ним в Лондоне в мой второй сезон.

– И долго он за вами ухаживал?

– Почти год. Когда сезон закончился и мы с отцом и Джейн вернулись в Бристоль, я и Генри начали переписываться.

– Понятно. Откуда он родом?

Люк говорил безразличным, спокойным тоном, так почему ей кажется, что он злится? Хотя что, кроме любопытства, он может испытывать по отношению к ее убитому мужу?

– Из Лондона.

– Значит, вы с ним переписывались. И как это привело к свадьбе?

– Той зимой он сделал мне предложение через отца.

– И ваш отец сказал «да». И вы тоже.

Эмма поежилась. Какой наивной, глупой девчонкой она была, чтобы так увлечься ослепительным красавцем Генри Кертисом! У него была похожая коляска, только еще меньше и опаснее. Она садилась в нее и чувствовала себя такой безрассудной, необузданной, дерзкой! В первый раз, когда он пригласил ее покататься в Гайд-парке и поцеловал под вязом, она задохнулась от волнения и чуть не лишилась чувств.

Но та девчонка осталась в прошлом.

– Мы оба сказали «да», – сообщила она Люку. – Дали согласие в письмах – сначала отец, затем я.

Тогда она не сомневалась, что влюблена, но очень скоро уверенность прошла. Она влюбилась в то внимание, какое он ей оказывал. Влюбилась в то, как он умел ее рассмешить. В то, как он пробирался в ее комнату теплым летним лондонским вечером и целовал ее, пока она не начинала задыхаться.

Он очаровал ее куда сильнее, чем любой из джентльменов-аристократов, с которыми она танцевала на приемах и встречалась на суаре сезона. Генри был не знатным аристократом, а джентльменом с деньгами. Рассказывал ей, что его родители и сестра живут в Йоркшире. После его смерти она попыталась с ними связаться, но все письма возвратились нераспечатанными.

– Почему вы за него вышли? – внезапно спросил Люк. – Любили его?

Эмма застыла.

– Вам не кажется, что это слишком личный вопрос?

– Кажется. Так как?

Она уставилась перед собой, решая, отвечать или нет, и пришла к выводу, что поскольку Люк согласился взять ее с собой, она у него в долгу.

– Я его любила, – ответила она скованным голосом, но почувствовала, что необходимо добавить: – В известной мере.

– Понятно. – Люк посмотрел на нее серьезными голубыми глазами. Между бровей залегла небольшая морщинка. – А он вас любил?

Она отвернулась. Если предыдущий вопрос показался ей чересчур личным, то этот переходил все границы.

Они с грохотом проехали очередную рытвину, что вынудило ее снова вцепиться в сиденье.

Эмма долго молчала, но Люк ее не торопил. Наконец она произнесла очень тихим несчастным голосом:

– Не думаю.

Через неделю после свадьбы она начала беспокоиться. Через месяц – паниковать. Потому что с каждым днем ей становилось все очевиднее, что Генри нимало не заинтересован в ней как в жене. И даже просто как в близком человеке. Он женился на ней ради денег ее отца. Женился, потому что она была богатой наследницей с очень щедрым приданым.

К ней это никакого отношения не имело.

Нет, он ее не любил. Он соблазнил ее, всячески добивался, но как только приданое оказалось в его руках, а будущее было обеспечено обещанием еще больших денег, показал ей истинное лицо.

Возможно даже, что он испытывал к ней неприязнь все то время, когда расписывал, какая она прелестная и сладенькая. Возможно, содрогался от отвращения, шепча ей, как сильно хочет затащить ее в постель.

А потом пропало и приданое, и деньги ее отца. И все это ее вина. Не выйди она замуж за Генри, он никогда не связался бы с Роджером Муртоном. И состояние было бы в целости и сохранности. Чувство вины снова поглотило Эмму – чувство, давно ставшее привычным. Она сделала глупый выбор, и ее семья дорого за это заплатила.

Люк, похоже, вовсе не услышал ее ответа. Он сосредоточенно подбадривал лошадей, стараясь преодолеть кочки и повороты дороги.

Эмма обрадовалась. Хорошо, что он ее не услышал, не нужна ей жалость лорда Люка Хокинза. Она всего лишь хочет, чтобы он помог ей отыскать Роджера Муртона, чтобы она смогла вернуть деньги, вылечить отца и выдать Джейн замуж за честного и порядочного джентльмена.

Она взглянула на Люка. Тот, нахмурившись, смотрел вперед.

– Что-то случилось? – спросила Эмма.

Он долго молчал, все еще глядя прямо перед собой, затем произнес:

– Мне кажется, одна из лошадей хромает.

Эмма всмотрелась в лошадей.

– Которая?

– Серая.

Она взглянула на серую кобылу.

– Не вижу.

Люк остановил лошадей.

– Я проверю. Подождите здесь. – И сунул ей в руки вожжи.

Эмма удерживала лошадей, все еще сидя с пледом на плечах, а Люк выпрыгнул из двуколки и пошел осмотреть лошадей. Он провел рукой по грязно-белой шкуре, пытаясь нащупать раны, затем уговорил кобылу по очереди поднять ноги и тщательно осмотрел копыта. Наконец он вернулся в двуколку.

Эмма все еще глядела на серую.

– Нашли что-нибудь?

– Нет. Похоже, с ней все в полном порядке. Должно быть, мне показалось.

– Ну что ж, будем за ней присматривать, – сказала она.

– Да.

Люк пустил лошадей рысью, делая вид, что замедлил ход специально ради серой. Он соврал – серая вовсе не хромала.

Он понял, что ему необходимо на несколько минут остановить экипаж и отойти подальше от Эммы. А причина в том, что уровень его бешенства был несоизмерим с происходящим.

Люк почти не знал Эмму, но он настолько проникся ненавистью к Генри Кертису, что готов был разнести в клочья его сгнившие останки. Он крепче вцепился в вожжи и старался дышать медленно и глубоко, чтобы хоть как-то унять кипящую ярость.

Этот человек заставил Эмму страдать. Она сидела рядом с Люком, чертовски замерзнув, потому что не могла позволить себе покупку приличного пальто, и куталась в жалкий плед. Она выглядела такой ранимой и одинокой.

Он выдывал горюющих женщин раньше. Женщин, настолько охваченных скорбью и печалью, что буквально излучали их. Но в жизни он не чувствовал ничего подобного по отношению к ним. По большей части он и вовсе старался их игнорировать, хотя болезненно остро ощущал собственный эгоизм. Но сейчас он больше всего на свете хотел, чтобы у Эммы все наладилось. Хотел помочь ей, но понятия не имел как.

Единственный способ ей помочь – просто продолжать делать то, что он делает. Найти Мортону, отговорить ее от дурацкой идеи убить его и добиться, чтобы мерзавца повесили за преступления против их семей.

И все-таки это не обеспечит ей физический комфорт. Не поможет почувствовать себя любимой. Не заставит поверить в собственную истинную красоту и силу. А Люку хотелось, чтобы она все это чувствовала. Хотелось сделать так, чтобы она ощутила себя самой прелестной и обожаемой женщиной на свете.

Вот только он не мог понять, откуда, черт побери, взялись все эти мысли?

Боже милосердный!

Люк заметил, что его дыхание клубится в воздухе облачками пара. Становилось все холоднее. Эмма права – если они в такой мороз останутся на улице, то заболеют и умрут.

Уж она-то точно, в такой одежде.

Значит, первым делом нужно купить ей пальто.

– Думаю, мы почти добрались, – сказала Эмма, когда они проехали будку смотрителя.

– Отлично! – рявкнул Люк в ответ и с запозданием сообразил, что голос его звучит весьма сердито. Он сделал глубокий вдох и продолжил мягче: – Я проголодался.

– Мне следовало догадаться и попросить упаковать нам с собой немного еды, – отозвалась она.

– Нет, не следовало. Мы пообедаем в гостинице «Кембридж» в привычное время.

– Завтра я что-нибудь обязательно возьму.

– Как хотите. – Уголок его рта приподнялся. – Но в любом случае вы вовсе не обязаны думать о том, как меня накормить.

Эмма выдохнула облачко пара, обволокшее локон, выбившийся из-под шляпки и повисший вдоль ее щеки. Люк крепче сжал правой рукой вожжи, борясь с внезапным желанием заправить эту мягкую прядку волос ей за ухо.

– Вы управляете лошадьми, – заметила она. – И раз уж вы взяли на себя ответственность за это, я подумала, мне следует позаботиться о том, чтобы наши желудки не оставались пустыми. Вам так не кажется?

– Пусть будет так, если вы этого хотите. Но все-таки я умудрялся как-то выживать все эти годы без того, чтобы кто-то считал себя обязанным меня кормить.

Она склонила голову набок.

– Вы живете один? Не с семьей?

– Один, в Лондоне. У меня там дом. И никаких загородных имений – увы, все они достались моим братьям.

– Значит, вы не часто бываете в обществе герцога?

– Время от времени. Когда в период умеренности во всем я чувствую себя осененным излишней терпимостью, я отправляюсь с визитом к моей семье в Айронвуд-Парк. Не могу сказать, что езжу туда специально ради встречи с Трентом, скорее с сестрой и матерью. Иногда встречаюсь с кем-нибудь из троих братьев.

– Айронвуд-Парк – резиденция вашего брата, верно? Вы провели там детство?

– Да, это его загородная резиденция. Мы все шестеро провели там детство.

– Вам там нравится?

Люк пожал плечами.

– В некотором роде. Но я не могу находиться там долго. Это огромный особняк с обширными землями, но я всегда чувствовал себя там как в тюрьме.

– Разве вы не наследник брата? Однажды Айронвуд-Парк может стать вашим.

Люк хохотнул:

– Очень сомневаюсь. Моя невестка уже ждет ребенка. Предсказываю, что она родит Тренту дюжину здоровых сыновей.

– То, что вы можете утратить положение наследника, вас расстраивает?

– Черт! Нет! – Он с подозрением посмотрел на нее. – Это что, расстраивает вас, Эмма?

Неужели она поэтому так заинтересована в нем? Пытается пристроиться к нему, надеясь в будущем стать герцогиней? Женщины и раньше пытались играть с ним в подобные игры. Самый гадкий вид обмана, и если он это обнаруживал, то реагировал совсем не по-доброму.

Эмма нахмурилась.

– С какой стати это должно для меня что-то значить?

– А вы подумайте, – предложил он.

Она наморщила лоб, глядя на него, затем в ужасе распахнула глаза.

– Если вы считаете, что я строю на ваш счет планы, что у меня есть кошмарное намерение стать следующей герцогиней Трент, значит, вы меня совсем не знаете!

Его губы скривились в усмешке.

– Вы уверены?

– Разумеется, уверена! – Она с отвращением передернула плечами.

Это его успокоило:

– Какое облегчение!

Эмма отвернулась, некоторое время рассматривала мелькающие мимо пейзажи, затем снова повернулась к нему.

– Да, мне любопытно узнать что-то о доме, где вы росли, но заверяю вас, вовсе не потому, что я надеюсь в один прекрасный день стать в нем хозяйкой.

Он скупно улыбнулся.

– Понял.

– Это же в Котсуолдсе, да?

– Да.

– В таком случае мы будем проезжать где-то рядом. Это вряд ли слишком далеко от нашего пути. Заезжать будем?

– В общем-то резиденция герцога будет совсем рядом, – отозвался он. – Но мы не поедем в Айронвуд-Парк.

Она съежилась и словно на дюйм усохла.

– Понимаю. Мне не следовало завязывать разговор об этом.

– Почему вы говорите таким тоном?

– Каким тоном?

– Тем же, каким говорили мне, что ваш муж вас не любил.

Она расправила плечи и задрала подбородок. Отлично. Он предпочитает такую Эмму, а не сломленную и подавленную.

– Не знаю, о чем это вы, – высокомерно произнесла она.

– Ну нет, еще как знаете.

Плотно закутанная в плед, и теперь она напоминала ему подарок, который так хочется развернуть на Рождество. Самый сладостный, восхитительный подарок. Плохо, что она сразу ясно дала понять – этот подарок не для него.

Во всяком случае, пока.

– Это пустяки. Просто я понимаю, почему вы не хотите показывать меня своей семье.

– Что? – Осознание ситуации обрушилось на него, и он раздраженно посмотрел в небо. – Господи, женщина! Вы представления не имеете, о чем говорите! – Она сидела, застыв на месте, как одна из статуй в Каменной комнате Айронвуд-Парка, и Люк вздохнул. – Послушайте, мы с моим братом редко находим общий язык, и мне вовсе не хочется вмешивать вас в наши ссоры. Вот и все. Это не имеет никакого отношения к вам или к тому, как они могут вас принять. Я гроша ломаного не дам за то, что Трент о вас подумает. – Люк внезапно нахмурился, между бровями пролегла глубокая складка. – Вообще-то нет. Если он посмеет вас осудить... – Он осекся, покачав головой.

Она не шевельнулась, уставившись перед собой. Они как раз проезжали мимо рощицы. Кроны деревьев сияли дивными оттенками алого, оранжевого и коричневого. Дунул порыв ветра, сорвал несколько листьев с деревьев, закружил по дороге.

Наконец она произнесла:

– Вы странный человек, лорд Люк.

– Просто Люк.

– Просто Люк, – пробормотала Эмма и подняла на него золотистые глаза, большие и теплые. Губы ее сложились в улыбку. – Но... спасибо вам.

– За что?

Она поколебалась, затем рассмеялась негромким, гортанным смехом, согревшим его до мозга костей.

– Ну, полагаю, за сердитое выражение лица, когда вы подумали о своем брате, якобы осуждающем меня. Оно помогло мне... почувствовать себя лучше.

– Если он посмеет осудить вас, я буду весьма недоволен, – сдержанно сказал Люк, потянулся и придержал ее руку, постукивавшую по бедру. Она не могла ответить ему тем же, потому что была укутана пледом.

Ее пальцы замерли под его ладонью. Он не отпускал ее руку до тех пор, пока они не въехали в Слимбридж.

Гостиница «Кембридж» представляла собой прямоугольное здание из белого кирпича с ровным рядом квадратных окон на втором этаже и парадной дверью, обрамленной с двух сторон окнами в поднимающихся рамах. Хозяин гостиницы, дородный мужчина за тридцать, на вид скорее годился для фермерского труда, чем для сравнительно малоподвижной работы по управлению гостиницей.

Люк записал их обоих как мистера и миссис Чарлз Хокинз. Эмма не проронила по этому поводу ни слова, пока они не остались в комнате одни, а слуга, принесший багаж, не закрыл за собой дверь.

Комната оказалась почти в два раза больше, чем в Бристоле, – с круглым столом, двумя удобными на вид креслами с одной стороны двери и кроватью с небольшими прикроватными тумбочками – с другой.

Эмма долго смотрела на кровать, отметив, что она достаточно большая для них обоих, затем перевела взгляд на Люка. Тот усмехнулся.

Она скрестила на груди руки.

Интересно, где Эмма решит лечь? Может, заставит его спать на полу, а сама в одиночестве устроится на кровати?

– Почему, ради всего святого, вы это сделали?

– Мое второе имя – Чарлз.

– Вы знаете, что я не об этом!

Он пожал плечами.

– Если бы я попросил две комнаты, что подумали бы люди? Что я мужчина, притворяющийся, что путешествую не с любовницей?

– Вы могли бы сказать, что мы брат с сестрой.

– Точно, – произнес он голосом, из которого сочился сарказм, – мы похожи, как близнецы.

Они вообще не походили друг на друга, так что пришлось бы сильно напрячь воображение, чтобы принять их за родственников. Он с темно-русыми волосами, узким лицом и острыми чертами, – и она, темноволосая, круглолицая, с мягкими чертами лица. И все-таки нельзя сказать, что это невозможно.

Эмма вздохнула. Следовало обсудить это заранее и договориться о подходящем варианте.

Она отвернулась, сняла накидку и повесила ее на спинку стула. А обернувшись, увидела, что Люк склонился над своим сундуком и вытаскивает оттуда чистый жилет, фрак и простой белый галстук. Закрыв сундук, он выпрямился и начал расстегивать черные, обтянутые тканью пуговицы на длинном пальто. Он выглядел красавцем. Его волосы разметались от ветра, глаза стали еще более яркого голубого цвета, лицо покрыла щетина. Она почти ощущала, каково это – запустить пальцы ему в волосы или почувствовать, как царапает кожу щетина, когда он целует ее шею...

– Я иду вниз.

– Что? – Его голос так резко вырвал ее из мира фантазий, что она с трудом удержалась и не покраснела. – Зачем? Вы что-то забыли в коляске?

Люк старался не смотреть ей в глаза.

– Пообедаю в пабе.

Эмма уставилась на него, сбита с толку таким резким перепадом настроения, и вскинула брови.

– Мне показалось, вы сказали слуге, что мы будем обедать здесь.

– Я передумал.

Эмма взяла себя в руки, хотя мысли в голове хаотично метались.

– Ну хорошо.

Он с деловитым видом надел жилет и фрак, глядя в небольшое зеркало, висевшее на стене за столом, искусно завязал галстук. Эмма молча наблюдала.

Повернувшись, Люк подошел к двери, взялся за ручку и велел:

– Заприте за мной.

Она продолжала молча смотреть на него. Не сказав больше ни слова, он открыл дверь и громко захлопнул ее за собой.

Тишина.

Затем раздались приглушенные слова:

– Эмма, заприте чертову дверь!

Вздохнув, она подошла к двери и заперла ее. Он не произнес больше ни слова, но она услышала его удаляющиеся по коридору шаги.

Эмма приготовилась к одинокому вечеру в «захватывающем» обществе «Путеводителя по Британии» Паттерсона.

Глава 4

Люк вернулся в номер после полуночи. Он весь вечер просидел за столом со стаканом эля, который волшебным образом то и дело наполнялся. Поднимаясь по лестнице, он попытался вспомнить приносившую ему эль девушку, чего не смог бы сделать даже ради спасения жизни.

Но служанка наверняка была! Почему, черт побери, он не может ее вспомнить?

Он по-прежнему размышлял об этой ерунде, когда обнаружил, что стоит перед дверью номера, в котором поселились они с Эммой.

Прелестной Эммой.

Люк пошарил по карманам, но не смог найти ключ. Подергал дверь, но она оказалась заперта. Он усмехнулся, похвалив Эмму.

– Проклятие! Да где же этот ключ? – проворчал он и подергал ручку двери, словно рассчитывал, что ключ внезапно появится. Ничего не вышло.

Тут он услышал шорох за дверью, замок щелкнул, дверь отворилась. На пороге стояла Эмма, вся растрепанная. И восхитительная. Ее волосы, – господи, эти дивные волосы! – были заплетены в толстую, роскошную косу, перекинутую через плечо. Конец косы задевал соблазнительную грудь, прикрытую ночной рубашкой. Он потянулся, чтобы потрогать эту мягкую, пышную округлость... но тут Эмма быстро отступила назад.

– Милорд. – Голос обдал его холодом. – Надеюсь, вам достался хороший обед.

Даже будучи пьян, он мгновенно узнал этот тон раздраженной мегеры.

Люк попытался сообразить, почему она сердится. Вспомнил миловидную женщину, подошедшую к нему этим вечером. Вспомнил, как смотрел на нее, думая, что она чем-то похожа на Эмму – темными волосами и пышными округлостями. Думая, что два дня назад она показалась бы ему весьма привлекательной. Но только до того, как он встретил Эмму Кертис. Сегодня ночью женщина его не заинтересовала. Он отослал ее прочь, испытывая смутное недоумение по поводу столь резкого изменения своих привычек.

– Превосходный, – заявил он. – Теперь, когда вы со мной.

И какой-то частью сознания отметил, что это звучит совершенной бессмыслицей.

Эмма шагнула назад, пропуская его в комнату, и, когда он вошел, закрыла за ним дверь. Он повернулся и увидел, что она из полумрака настороженно наблюдает за ним. Фитиль у лампы на столе был прикручен, поэтому Люк видел выражение ее лица, но не мог различить бархатных густых ресниц, оттенка розовых губ. Того, что он запомнил еще во время поездки в двуколке.

Его внимание привлекла очаровательная ночная рубашка. Кружева, украшавшие воротник, подол и рукава, – их он видел. Видел и белую, ниспадающую складками рубашку, придающую ей невинный и целомудренный вид.

«Но она не девственница», – напомнила ему трезвая часть сознания.

Впрочем, если учесть, как этот ублюдок Кертис с ней обращался, вполне может ею быть. Ее никогда не любили по-настоящему.

Всех женщин должны любить по-настоящему, особенно эту.

Он, Люк, любит женщин! А уж эту...

– Почему вы так на меня уставились? – спросила она.

– Потому что я пьян и не могу не восхищаться вашей красотой, – честно ответил он.

Это игра воображения или бледные щеки в самом деле порозовели? Люк сделал к ней шаг с намерением прижать ее к двери, как вчера ночью – это было вчера ночью? Он не мог вспомнить. И снова попробовать ее на вкус... о, она такая сладкая... такая... черт... вкусная. Но она выскользнула у него из-под руки и отошла подальше.

– Я постелила себе отдельно, милорд. – Эмма показала на пол, куда положила подушку и одно из одеял, свернув его, словно покрывало на кровати.

О черт, нет!

– Вы не будете спать на полу.

Она скрестила на груди руки.

– Я не буду спать с вами.

Он смутно припомнил их договор.

– Вы все еще не готовы к отношениям?

– Нет.

– Но скоро будете?... – с надеждой спросил он.

– Нет.

Люк драматически вздохнул.

– Что ж, проклятье, – пробормотал он и стал неуклюже расстегивать фрак, с трудом справившись с пуговицами. Сорвав с себя рубашку, он швырнул всю одежду на пол и рухнул на кровать.

Удобно, но чертовски холодно. Где Эмма?

– Эмма? – позвал он.

Нет ответа.

Люк с трудом сел. Его охватила паника. Куда, черт побери, она делась?

– Эмма, где вы?

Перед ним возникла ее голова. Он моргнул, затем сообразил, откуда она появилась. Эмма лежала на полу, а потом села.

– Я прямо тут, – спокойно отозвалась она.

– Почему вы не на кровати?

– Я вам уже сказала.

– Вы нужны мне тут, Эмма. И никаких отношений. – Он смущенно хохотнул. – Я, черт возьми, слишком пьян для отношений. Только сон. Поспите со мной, Эмма. Я замерз.

Она долго смотрела на него с тем самым непостижимым выражением, которое так любила принимать. Затем, вздохнув, встала. Прелестная ночная рубашка доставала ей до щиколоток. Лунный свет прокрался сквозь тонкую прозрачную занавеску на окне у нее за спиной, окружив ореолом ее соблазнительное тело. Она походила на ангела.

В ту минуту Люк не сомневался, что она и есть ангел. Эмма наклонилась, чтобы поднять одеяло с пола, и укрыла его. Он снова вздрогнул.

Она взяла подушку, подошла к кровати с другой стороны и посмотрела на Люка сверху вниз.

– Никаких отношений?

– Никаких, – самым убедительным тоном откликнулся Люк. Он не забыл, что такое «отношения», но, черт побери, сейчас ему просто хотелось уснуть рядом с ее теплым, роскошным телом.

Она еще немного поколебалась, затем легла в постель. Не прикасаясь к нему, повернулась спиной, лежа на самом краю. Достаточно толкнуть ее в плечо, и она свалится на пол.

Люк потянулся и прижал ее к себе, сразу ощутив, как закаменело ее тело.

– Ш-ш-ш, – произнес он в ее теплую шею. Сделал вдох, вздрогнул. От нее так хорошо пахло лавандой, плотью, женщиной. – Ш-ш-ш, – снова сказал он, поглаживая ее по бедру, как строптивую лошадь. – Просто усни, ангел. Просто усни.

Через несколько мгновений Люк погрузился в забытие, крепко обнимая теплое, мягкое, восхитительное тело Эммы Кертис.

Эмма проснулась в постели одна. Люка в комнате не было. Куда он исчез на этот раз?

Она встала и выглянула в окно. День снова выдался чудесный, с молочно-синим небом, но когда она прижала руку к стеклу, оказалось, что оно ледяное. Эмма дернула дверь и обнаружила, что она заперта – на этот раз Люк унес с собой ключ. Ворча про себя, она умылась и оделась в свой белый муслин, то и дело бросая взгляды на дверь. К счастью, Люк не ворвался в номер, когда она была полуодетой.

Полностью одевшись, Эмма села на простой деревянный стул возле небольшого шкафа, задвинутого в угол комнаты, расплела косу и провела расческой по волосам. На нее нахлынули воспоминания о прошлой ночи. Его поведение... она сглотнула ком в горле. Он назвал ее «ангелом». За целую жизнь никто никогда не называл ее ангелом. Зато дьяволом называли, и очень часто. В основном мать и бесконечные гувернантки, чередой проходившие через их дом. Эмму описывали словами «своевольный сорванец» и «упрямая сорвиголова». Она вспомнила одну из гувернанток, вполголоса сказавшую ее матери: «Это безнадежно, мэм. Никто не сделает леди вот из этого».

Гувернантка ошиблась. Эмма вместе с Джейн уехала в пансион, и обе они выросли настоящими леди – хотя Джейн, безусловно, представляла собой более достойный образец, чем Эмма.

А сейчас она отбросила все надежды и притворство когда-нибудь снова стать леди. Более того, сейчас она не испытывала обжигающего прежде желания быть истинной леди – дни, когда она желала угодить обществу, канули в прошлое вместе с богатством отца. Теперь она хотела только одного – заботиться о семье и оправдать себя в глазах отца и сестры.

И все-таки прошлой ночью лорд Лукас Хокинз назвал ее ангелом.

«Впрочем, одно тут не поддается сомнению, – уныло подумала она. – Этот человек был вчера мертвецки пьян».

Однако ей понравилось засыпать в его объятиях.

Нет, «понравилось» – не совсем верное слово. Она пришла в восторг и одновременно в ужас и терзалась этим. Она долго лежала без сна, после того как его дыхание стало глубже, означая, что он заснул. Тело ее словно оцепенело и при этом пульсировало энергией. Она чувствовала себя напряженной и возбужденной. Даже во сне его руки обнимали ее крепко, решительно, по-мужски. От него пахло мылом и мягким солодом.

Возбуждение разливалось по ее телу, как медленно разгорающийся огонь. Глубоко в душе она отчаянно желала, чтобы он забыл об их договоренности и попытался позволить себе с ней вольности. Оттолкнула бы она его?

Сознание – эта гордая, настороженная штука у нее внутри – кричало «да», но тело отвечало решительным «нет».

Она не понимает Люка и толком его не знает, не сомневается, что он обладает некоторыми наименее приятными привычками Генри. Но она хотела Люка. Телу потребовалось не меньше часа, чтобы остыть, а ей – чтобы расслабиться в кольце его тяжелых рук.

В конце концов ей это удалось, она уснула, и ей снились его голубые глаза и поцелуи, затем обнимающие ее руки превратились в оковы. Как она ни старалась, ей не удавалось шевельнуться. Он улыбался с этим порочным блеском в глазах и говорил хриплым голосом: «Тебе нравится это, Эмма? Нравится, когда тебя связывают?» А затем он лег на нее, тело его было тяжелым, теплым и сильным, и посреди ночи она со стоном проснулась, содрогаясь от сотрясавшего тело удовольствия.

Потом она долго лежала, боясь, что он тоже проснулся, но он даже не шелохнулся. Наконец ей удалось успокоиться, но пришлось силой расслаблять напряженные мускулы. Она приткнулась к нему под бок и, наконец-то согревшись, чувствуя себя уютно и удобно, погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Похоже, она еще глупее, чем думала раньше. Можно простить себя за то, что один раз оказалась соблазненной безнравственным распутником. Но дважды? Нет. Только законченная ветреница совершит такую ошибку дважды.

Очевидно, Люк проснулся намного раньше и ушел из комнаты, не став ее будить. Странно, поскольку вообще-то это она жаворонок, а он за ужин выпил, наверное, целый боцонек эля.

Тем не менее следует признать, что этой ночью она спала спокойно, чего не случилось очень-очень давно. Ничего удивительного, что она проснулась так поздно.

Эмма закрутила волосы в пучок и как раз закалывала шпильками, когда в замке заскрежетал ключ, дверь отворилась и в комнату вошел Люк с большим свертком в руках.

Одной рукой придерживая волосы, Эмма повернулась к нему:

– Что это?

– И вам доброго утра, – кротно ответил он.

– Доброго, – охотно согласилась она и добавила: – Я рада, что вы чувствуете себя лучше.

Он посмотрел на нее, весело сверкнув глазами, и положил сверток на кровать.

– А когда я чувствовал себя плохо?

– Ночью.

– А-а, вы про это. – Он выпрямился и посмотрел ей прямо в глаза. – Я не чувствовал себя плохо, просто замерз. А вы превосходно меня согрели.

Эмма резко воткнула шпильку в волосы, не зная толком, что ответить. Значит, он помнит. Значит, напился не настолько, чтобы забыть о событиях прошлой ночи. Это хорошо. «Вы тоже превосходно меня согрели, милорд. Я просто пылала огнем. Собственно, вы меня так распалили, что во сне я достигла пика наслаждения», – подумала она.

Снова повернувшись к зеркалу, она деланно рассмеялась.

Люк подошел к ней, положил руку на плечо. Прикосновение обожгло, и Эмма застыла, глядя на его отражение в зеркале.

– Я вас ночью напугал?

Эмма подумала немного и ответила, как могла, честно:

– Да. Но вероятно, не в том смысле, что вам представляется.

Он глубоко вздохнул, пальцы его крепче впились в ее плечо.

– Знайте – что бы ни произошло, что бы я ни сказал, я никогда вас пальцем не трону, Эмма. Ну, – он снова взглянул на нее с этой своей беспечной усмешкой, – разве что вы меня сами попросите.

А что он сделает, если она попросит?... О Господи! Всепожирающий огонь прошлой ночи снова начал разгораться.

Он встретил ее взгляд в зеркале. Глаза его пылали жаром, но через долгую минуту он отвернулся, подошел к кровати и начал развязывать бечевку на коричневой бумаге.

– Держите. Я хочу, чтобы вы это примерили.

Воткнув в волосы последнюю шпильку, Эмма заинтригованно повернулась к нему:

– А что это?

Он отбросил в сторону бечевку, разорвал бумагу, и из свертка выплеснулись бесконечные, как ей показалось, ярды черного шелка с мехом.

Люк поднял плащ с капюшоном из черного шелка, подбитый шерстью и отороченный мягчайшим на вид мехом. «Горностай, – подумала Эмма, – белый мех с черными пятнами! И меховая муфта в тон».

Она долго смотрела на плащ и муфту, чувствуя, как глаза обжигают непрошенные слезы.

– О, Люк. – Она сглотнула. – Я... вы... Нет. Это чересчур.

– Вовсе нет. Я пообещал, что постараюсь защитить вас. Вчера вы промерзли до костей и могли бы вообще умереть. Это должно уберечь от холода.

– Я не могу принять такой подарок.

– Не подарок – необходимость. Я не могу допустить, чтобы вы замерзли насмерть.

Они долго смотрели друг на друга, затем Люк шагнул вперед.

– Встаньте.

Эмма встала. Он накинул ей на плечи прекрасно сшитый плащ, легкий, мягкий и теплый. Затем надел ей муфту на одну руку, и Эмма послушно сунула в нее и другую.

– Я в жизни не ощущала ничего настолько мягкого, – сказала она.

– Как, по-вашему, достаточно тепло?

– О да.

Он какое-то время изучал ее. Во взгляде сквозило удовлетворение. Затем снял плащ с ее плеч и положил обратно на кровать.

– Завтрак? Нас сегодня ожидает долгая дорога.

Эмма просто жаждала раскинуть руки и крепко его обнять, и расцеловать, и поблагодарить за чудесный, чуткий поступок. Но она ограничилась простым ответом:

– Да. Завтрак.

Когда они покинули гостиницу «Кембридж», уже перевалило за полдень, и впереди их ждала долгая дорога. Они дважды меняли лошадей, и наконец теперь их везла пара гнедых кобыл, обе со звездочками на носу. Люк с Эммой решили, что это, должно быть, сестры, возможно, даже близнецы.

Весь день они с Люком дружески беседовали, а на поздний ленч остановились в таверне на берегу Северна, с чудесным видом на Молверн-Хиллс. Проведя детство рядом, в Айронвуд-Парке, Люк отлично знал эти места и за трапезой рассказывал об их географических особенностях. Несмотря на кажущуюся легкость товарищества, Люк чувствовал себя все неудобнее. Что произойдет сегодня ночью? Попросит ли он ее снова лечь вместе с ним? Ему этого очень хотелось. Но еще больше хотелось другого – того, на чем он обещал не настаивать.

Правда заключалась в том, что чем дольше он сидел рядом с Эммой, разговаривал с ней и узнавал ее, тем больше восхищался этой женщиной. Ее пышное, соблазнительное тело вызывало у него порочные картинки, а быстрый, живой ум просто завораживал. Кроме того, в ней было что-то еще, что-то неопределимое. Ему казалось, что они подходят друг другу, как две половинки яичной скорлупы, у которых совпадают идеально неровные края.

Это, конечно же, была совершенно безумная мысль. Он знаком с ней каких-то два дня. Впрочем, ему никогда не выпадала возможность провести рядом с кем-то долгие часы, не делая ничего, а просто любясь пейзажем и разговаривая.

И несмотря на то что он страстно хотел Эмму, он все яснее понимал, что перед ним действительно леди, и хотя она какое-то время была замужем, в вопросах интимной жизни мужа и жены она исключительно невинна. Весь прошлый год ей было очень нелегко, но она не утратила детской наивности.

Да, тело отчаянно жаждало Эмму, но Люка уже начинало беспокоить чувство вины за непристойное поведение. Не следовало целовать ее в тот первый вечер. Он совершенно неправильно все понял.

Люк хотел, чтобы Эмма оставалась такой же невинной. И пусть дьявол, живущий у него внутри, требовал затащить ее в темное местечко и обесчестить, Люк осознавал, что с этим желанием нужно бороться.

День клонился к вечеру. Они ехали по направлению к Вустеру, и Люк размышлял о том, как хорошо он начал понимать Эмму. Гораздо лучше, чем до сих пор понимал любую

женщину. Обычно он не сидел на скамейках и не разговаривал с ними. Обычно у него имелись куда более насущные потребности, в число которых не входили долгие беседы.

К удивлению, разговаривать с Эммой ему нравилось. Нравилось, как она говорит о местах, которые они проезжают, нравилось слушать рассказы о ее прошлом – о шалостях и ссорах с гувернантками и матерью, о школьных годах, проведенных в пансионе, о сестре Джейн, которой Эмма искренне восхищалась, об отце, страдавшем каким-то заболеванием сердца. Он удачно избегал разговоров о ее покойном муже и о Роджере Мортоне, потому что еще вчера понял, что ни к чему хорошему они не приведут – Эмма расстроится и опять потеряет уверенность в себе, а сам он ужасно разозлится. До Эдинбурга еще далеко, и у них полно времени до того, как придется затронуть эту тему.

Она надеялась, что он расскажет о своей семье, и особенно интересовалась Трентом.

«Разумеется, она интересуется Трентом, – сухо думал Люк. – Им все интересуются».

– Расскажите мне о своем брате, – попросила Эмма, когда они одолели очередной подъем и впереди, в отдалении, показался Вустер – из-за деревьев выглядывали пики собора.

– У меня четыре брата, – сказал он. – О ком из них вы спрашиваете?

Ей хватило совести покраснеть.

– Ну, полагаю, начать можно с герцога.

Люк вздохнул:

– И что вы хотите узнать?

– Какой он? Похож на вас?

– Нисколько. – Он уставился на дорогу, пытаясь сдержать презрительный смех.

Эмма искоса посмотрела на него.

– Ну что ж. Но по крайней мере, вы почти ровесники, так?

– Да. Между нами меньше двух лет разницы.

– Опишите его.

Он привык, что его вечно расспрашивают про Трента, но почему-то именно ее интерес к этому человеку вызвал внезапное раздражение.

– Вы же знаете, он женат.

«Черт, это прозвучало грубо. Я становлюсь желчным и язвительным».

– Конечно, – негромко сказала она. – Последние два месяца вся Англия только и делает, что говорит о его свадьбе.

– Верно! – почти прорычал Люк.

Эмма нахмурилась и всмотрелась в него оценивающим взглядом золотистых глаз.

– Вы его не любите?

Любит ли он Трента? Дьявольщина. Вопрос куда сложнее, чем она может себе представить, и ответа на него не существует вообще.

Люк тщательно сформулировал ответ:

– Трент – мой брат. Но обычно мы с ним не можем прийти к согласию ни по какому вопросу.

– Понятно, – мягко сказала она и погрузилась в размышления. После короткой паузы спросила: – А герцогиню вы знаете?

Сначала Люк решил, что речь идет о его матери, и уже хотел ответить, что, конечно, знает. Но нет, она спрашивала о Саре.

Теперь на этот вопрос приходится отвечать часто, хоть он и странный. Станный, потому что как можно объяснить, что ты знал эту женщину почти всю жизнь и думал о ней как о члене семьи – но в роли служанки? И как объяснить теперешние перемены, когда служанка вдруг превратилась в невестку?

– Да, – сказал он, – я знаю ее с детства. Ее отец – садовник в Айронвуд-Парке.

– И что вы о ней думаете?

Люк вскинул бровь.

– Она не относится к безжалостным светским честолюбцам, если вы об этом.

– Нет, – мягко сказала Эмма. – Я никогда в это не верила, несмотря на все скандальные газетные статьи о ней. Будь она такой честолюбивой, думаю, герцог сумел бы ее раскусить.

Люка охватило какое-то горькое, болезненное чувство, но он быстро сообразил, что это... ревность. Все вокруг всегда будут восхвалять и оправдывать Трента. Даже Эмма.

Он выдохнул сквозь стиснутые зубы.

Они уже ехали по Вустеру, завернули на Хай-стрит, оставив слева собор – впечатляющее каменное строение в норманнском стиле с высокой центральной башней и шпилями.

– Мне нравится Сара, – сказал он Эмме. – И всегда нравилась. Она хорошая пара Тренту, что бы ни говорили в свете.

«В любом случае Сара – единственный человек в мире, кто может сбить спесь с Трента», – усмехнулся он про себя.

Эмма кивнула, явно довольная ответом.

– Расскажите про остальных ваших братьев. И еще у вас есть сестра, верно?

Он посмотрел на нее. Она думает, что задает простые вопросы, но один черт знает, как на них теперь отвечать.

Люк начал осторожно, с кровного брата. Того, с кем вместе рос и кто носил одинаковую с ним фамилию.

– Самсон – Сэм – самый старший. Он мой сводный брат с материнской стороны.

– Я не знала, что у вас есть еще один старший брат.

– Есть. Он плод любовной связи моей матери с... кем-то еще до брака с герцогом Трентом. Она так и не призналась с кем.

– И какой он?

– Сэм... – Люк нахмурился. А как описать Сэма? Спокойный и упрямый. Его темные глаза видят все, но при этом он редко снисходит до того, чтобы высказать свое мнение, и это здорово выводит из себя. Молчаливый. Он много страдал. Сомневаюсь, что ему доставляло большое удовольствие расти в доме, где все знают, что он бастард. Герцог просто игнорировал его.

Герцог игнорировал Сэма, но ненавидел ли он его так же, как Люка? Люк так не думал.

Эмма вздрогнула.

– Похоже, что ему и вправду пришлось трудно. Просто ужасно.

– Конечно, – согласился Люк. – Но когда он вырос, легче не стало. Он служил лейтенантом в армии, несколько лет назад во время сражения его ранили и он едва не умер. Был дважды женат, но потерял обеих жен – первую при родах вместе с новорожденным сыном, а вторую на поле боя на континенте.

Эмма плотнее закуталась в плащ, посмотрела на него прозрачными глазами.

– О, это ужасно. Несчастный.

Люк кивнул. Брат никогда не напрашивался на жалость, и Люк никогда ее не выказывал, и все-таки внутри у него все горело, стоило подумать о том, сколько пришлось пережить Сэму. Они некоторое время ехали молча, затем Эмма спросила:

– А остальные? Ваша сестра?

– Эмме.

– Сколько ей?

– Девятнадцать.

– Какая она?

– Тихая.

Люк внезапно понял, что его ответы состоят из одного слова. Разговора о семье вполне хватило, чтобы сердце его сжалось в камень. Стало трудно выдавливать из себя хотя бы

односложные ответы. Но все же Эмма заслуживает большего. Он набрал в грудь побольше воздуха и сказал:

– Эмме тихая. Она не очень любит многолюдное общество, но моя мать и Трент словно получают удовольствие, то и дело ставя ее в неловкое положение в свете. Она все время записывает что-то в свой дневник. Подозреваю, только этим страницам известны ее настоящие мысли.

– Наверное, сложно расти в окружении пятерых старших братьев.

Люк усмехнулся.

– Наверное. И от необузданной матери тоже мало помощи.

Они повернули на Брод-стрит, и Люк наконец-то остановил лошадей перед гостиницей «Корона и единорог», радуясь, что это избавило его от дальнейших расспросов.

В гостинице Люк попросил комнату и повел Эмму наверх. Следом двое слуг несли их багаж.

– Кого я вижу?! Уж не моего ли доброго друга Хокинза?! – послышался голос с верхней площадки.

Люк посмотрел наверх и увидел Руперта Смоллшоу, одного из своих лондонских приятелей-кутил.

Мысленно чертыхнувшись, он изобразил на лице улыбку.

– Смолл, какая неожиданность.

Смолл возвел глаза к потолку:

– Еще бы! Богом забытое место, правда? В середине полной пустоты!

Смолл был истинным сыном города. Он терпеть не мог уезжать из Лондона, где так просто найти любые удовольствия – без разврата он и дня прожить не мог.

Люк поднялся на верхнюю площадку второго этажа, остро ощущая, что Эмма стоит у него за спиной.

Ему казалось, что мозги вскипели. Он никак не мог придумать пристойную причину, по которой оказался тут вместе с Эммой, да еще направляется в одну с ней комнату. Нет никакой возможности избежать объяснения, не затронув ее репутацию.

– Что ты делаешь так далеко от Лондона? – спросил он Смолла, продолжая бешено искать объяснение. Подняться наверх без пристойной причины! Его захлестывала паника, жаркая, кипящая.

«Успокойся, черт бы тебя побрал. Она знала, что это может случиться. И ты тоже», – шептал ему разум.

Смолл пожал плечами и бросил на него взгляд, исполненный невыносимой скуки.

– Еду в Бромвуд, посмотреть, как там наш фамильный особняк.

Люк вскинул брови.

– Непохоже на тебя.

– Знаю. Может, я наконец-то становлюсь ответственным, а?

И тут взгляд Смолла упал на Эмму. Карие глаза обвели ее с ног до головы, откровенно задержавшись на высокой груди.

Люк стиснул зубы и закрыл спутницу собой, насколько позволяла небольшая лестничная площадка.

– Может, увидимся позже, – бросил он Смоллу.

Губы Смолла изогнулись в усмешке.

– Конечно. – Его взгляд снова вернулся к Эмме. – А я-то удивлялся, зачем ты поехал в Вустер вместо Айронвуд-Парка. Теперь понятно... – Он замолчал, явно дожидаясь, когда его представят.

– Смолл, это миссис Кертис. – Люк тут же вздрогнул: зачем он назвал ее настоящее имя?

– Миссис Кертис, какая прелесть. – Смолл галантно поклонился. – Вы и есть причина, по которой лорду Люку так захотелось посетить Вустер. Не могу его винить. Ваше платье – прелестнейший образец муслина из виденных мной в последнее время. – Его ухмылка сделалась похотливой. – Дайте мне знать, если решите развлечь другого, милашка. – Он подмигнул Эмме. – Может, когда закончите с его милостью?

Люк метнулся вперед, сжав кулаки, и молниеносно нанес удар. Смолл рухнул на колени.

– Люк! – закричала Эмма. – О боже!

Она схватила его за плечо и потащила назад, когда он попытался снова ударить Смолла.

– Люк!

Он резко остановился и взглянул на Эмму. Она не казалась испуганной, только глаза напоминали круглые золотистые озерца.

Он снова посмотрел на Смолла. Тот приподнялся на локте и теперь потирал челюсть, с изумлением глядя на Люка.

– Какого дьявола, Хокинз?

– Ты... никогда... попробуй только... – Он глухо зарычал, так как говорить членораздельно не мог. И думать тоже.

– Пойдемте, – прошептала ему на ухо Эмма. – Пойдемте в номер.

И повела его по коридору. Он шел следом, почти не обращая внимания на то, куда идет, то и дело оглядываясь на Смолла, люто его ненавидя. Его переполняло желание схватить мерзавца за шею и выдавить жизнь из его презренного тела.

Но почему? Это же его приятель по распутной жизни. Они равны друг другу – ни больше ни меньше. Раньше они делились женщинами. Смолл не сказал ничего из ряда вон выходящего.

Просто на этот раз речь шла об Эмме.

Они остановились перед дверью. Слуги остались возле Смолла, чтобы помочь ему, поэтому пришлось подождать – ключ был у одного из них.

Люк старался глубоко дышать, пытаясь успокоиться. Эмма осторожно посмотрела на него.

– С вами все хорошо?

– А с вами? – хмуро спросил он.

Она скупой улыбнулась:

– Просто прекрасно. Но ничего хорошего не будет, если вас осудят за нападение.

Подождал слуга и отпер дверь. Эмма легонько подтолкнула Люка в комнату и вошла вслед за вторым слугой, который нес сундук. Когда все вещи оказались в номере и слуги ушли, Люк упал в кресло, потом наклонился вперед, уперся локтями в колени и запустил пальцы в волосы.

Эмма подошла, опустилась рядом на колени, взяла в ладони его правую руку и нежно потерла ее.

– Вы его сильно ударили.

– Болит чертовски, – пробормотал Люк.

– Наверное, ему больнее, чем вам.

– Надеюсь.

Внезапно она поднесла его руку к губам, закрыла глаза и поцеловала костяшки. Затем посмотрела на него сияющими глазами.

– Вы защитили мою честь. Никто никогда ничего подобного не делал. Спасибо.

Люк нахмурился. Почему никто ее раньше не защищал?

– Вы на меня сердитесь? – прошептала она.

– Нет. – Он перестал хмуриться, вынудив себя расслабить мышцы. Она все еще держала его правую руку, поэтому Люк левой осторожно заправил ей за ухо выбившуюся прядку волос. – Нет, Эмма, я не сержусь.

Она не сводила с него глаз, и на губах ее расплывалась широкая улыбка.

Люк смотрел ей в лицо, чувствуя, как внутри все сжимается. Женщина, стоявшая перед ним на коленях с сияющими глазами, была самым прекрасным созданием на земле.

Глава 5

Моя дорогая Джейн,
надеюсь, что у тебя и у папы все хорошо. Пожалуйста, отправляй мне письма в отель «Камерон» в Эдинбурге, потому что, хотя мы еще и не добрались до Шотландии, остановимся мы там.

Пока мы еще в Вустере. Путешествие проходит без происшествий, и лорд Л. ведет себя по-джентльменски, как мы и думали. Он совсем не такой, как я предполагала.

«Боже милостивый, – подумала Эмма. – Зачем я это написала?»

Она вздохнула и уставилась на письмо. Зачеркнуть невозможно, придется переписывать заново, а другого листа бумаги у нее нет. Покусав губу, она продолжила:

У него такое необычное прошлое и много интереснейших занятий.

Эмма усмехнулась. «Интереснейших занятий», как же! Занятий самого распутного толка, если уж быть точной. Но она надеялась успокоить Джейн, чтобы сестра уж точно не подумала о таких занятиях. Эмма снова взяла перо.

Путешествие проходит очень приятно. Проезжая через Котсуолдс, мы видели чудеса английской осени. Молюсь, чтобы такая хорошая погода сохранилась, пока мы не доберемся до места.

Она засомневалась, рассказывать ли Джейн про двуколку, и решила – нет, ни в коем случае. Зачем усиливать тревогу сестры?

Мы задержались в Вустере на лишний день, потому что у лорда Л. есть тут какое-то дело.

Он не стал делиться с ней подробностями своего «дела». Утром она еще раз попыталась вытянуть их из него, но он легко отражал все ее уловки. Сказал только, что это не имеет никакого отношения к Айронвуд-Парку, или к Тренту, или к другим членам семьи, живущим там.

Однако любопытство грозило перехлестнуть через край. Что за дело может быть у благородного повесы вроде Люка в месте вроде Вустера – а ведь он еще сказал, что дело это у него за городом. Она проиграла в уме множество сценариев, но все время возвращалась к одному. Должно быть, это как-то связано с женщиной. И возможно, с незаконнорожденным ребенком.

В этом есть смысл – место, находящееся на приличном расстоянии, но тем не менее в пределах нескольких часов езды от его бывшего дома, куда он может ездить с нередкими визитами всякий раз, когда окажется в этих местах. Да, с учетом его репутации, все это весьма вероятно.

Мысль о том, что он встречается с женщиной, расстроила Эмму. Хоть она и знала, что не имеет права на какие-то собственнические чувства по отношению к нему, она уже провела с ним три ночи. Две из них – в его объятиях. Вчерашняя сильно отличалась от предыдущей. Он был трезв, потому что она попросила его (ну, если быть честной с самой собой, она умолила его) не спускаться вниз обедать. И не только потому, что не хотела видеть его пьяным, но еще и ради того, чтобы он не столкнулся с этим ужасным мистером Смоллом.

Так что они уснули. Люк спал беспокойно, и Эмма знала, что он не выспался. В очень ранний час он застонал и резко сел на кровати, разбудив ее. Она открыла сонные глаза и

заморгала, увидев его вспотевший лоб. Это показалось ей очень странным – ночью было совсем не жарко.

– Что случилось? – пробормотала она. – Вам приснился кошмар?

Люк повернулся к ней, подавленный и потрясенный.

– Ерунда, – ответил он хриплым голосом. – Спите.

А сам, выбравшись из кровати, сел за стол и сжал голову руками.

Эмма лежала, гадая, что делать. Ей хотелось подойти к нему и утешить, но она не знала как. В конце концов она все-таки выскользнула из кровати и подошла к нему. Положила руку ему на плечо, а он вздрогнул и посмотрел на нее.

– Возвращайтесь в постель, – сказала Эмма.

– Не могу.

– Почему?

Он отвернулся и закрыл глаза.

– Потому что я дал вам обещание. А если сейчас снова лягу, то нарушу его. – Он посмотрел на нее безрадостным взглядом, погладил ее щеку согнутым пальцем, потом подбородок. Затем, невыносимо медленно, он провел пальцем по ее нижней губе, и Эмма задрожала. – Я нарушил столько обещаний, Эмма, но не хочу нарушать этого.

Растерянная, возбужденная, все еще продирающаяся сквозь пелену сна, из которого он вырвал ее своим кошмаром, Эмма кивнула.

– Хорошо, – пробормотала она. – Пожалуйста, возвращайтесь в постель, когда сможете.

– Непременно.

Она вернулась на кровать и провалилась в сон быстрее, чем могла предположить, а он так и остался сидеть, сжимая руками голову.

Вздохнув, Эмма посмотрела на письмо к сестре, окунула перо в чернила и дописала:

Завтра мы продолжим наш путь в Эдинбург. Если погода не подведет, надеемся добраться туда дней за пять-шесть. Молюсь, чтобы так и вышло. Мне просто не терпится скорее решить все с Р.М.

Я буду молиться за тебя и папу. Мои мысли то и дело обращаются к нему. Пожалуйста, напиши мне, как только сможешь. Надеюсь увидеть письмо, ожидающее меня в Эдинбурге.

Твоя любящая сестра,

Эмма

Она сложила письмо, затем надела накидку и сверху донизу застегнула истершиеся китайские пуговицы. Посмотрела на шелковый плащ, висевший на колышке у двери, и ее губы тронула улыбка, как и всякий раз, когда она смотрела на подарок Люка. Пожалуй, в нем будет слишком жарко.

Засунув письмо в ридикюль вместе с несколькими монетами, Эмма вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь.

Торопливо спустившись вниз, она наткнулась на служанку и спросила про почту в Бристоль.

– Она отправляется в половине восьмого от «Звезды и подвязки», мэм.

Отлично, значит, письмо к Джейн уже сегодня вечером отправится в путь.

– А где «Звезда и подвязка»?

– Совсем недалеко. – Служанка приветливо улыбнулась. – Но если хотите, я с удовольствием отнесу сама.

– Нет, спасибо. Если это недалеко, я с радостью прогуляюсь. Подышу свежим воздухом. – Это была чистая правда. Эмма целый день просидела в номере.

– Конечно, мэм. – Служанка рассказала, как дойти до «Звезды и подвязки», и Эмма шагнула на шумную улицу.

– Миссис Кертис!

Знакомый голос. Внутри все сжалось от ужаса, она обернулась и увидела, что Смолл вышел вслед за ней из гостиницы. Настоящий фат, черные волосы блестят от масла, в точности как сверкающие черные башмаки, и все это очень подходит к обтягивающим лосинам из буйволовой кожи, темно-фиолетовому бархатному пальто и резной трости.

Эмма еще больше распрямилась как могла, стараясь посмотреть на него свысока, но не очень-то получилось – он был выше ростом.

– Мистер Смолл.

Он хмыкнул.

– Смоллшоу, голубка. Смолл – это всего лишь прозвище.

– Прошу прощения, – ледяным тоном отозвалась она и с немалой долей удовлетворения отметила, что правая сторона его челюсти отвратительно скривилась.

– Могу я сопроводить вас?

– Нет, спасибо.

Эмма повернулась и зашагала по улице, но чертов надоеда держался рядом. Эмма ускорила шаг, он тоже.

– Ну расскажите же мне, как вы познакомились с лордом Лукасом?

Эмма презрительно хмыкнула, глядя прямо перед собой, словно ей требовалось все внимание, чтобы пройти по особенно предательскому участку улицы.

Эмма не удостоила его ответом.

– Нет, в самом деле, мне ужасно любопытно. Понимаете, мы с Хокинзом близкие друзья. Очень близкие.

Эмма делала вид, что не замечает его.

– Он в жизни не кидался так на защиту женщины. Собственно, всегда вел себя более чем щедро, если я просил поделиться. А тут за одно предположение ударил меня в лицо! Как вы наверняка понимаете, это загадка, которую я просто жажду разгадать.

Эмма вдруг остановилась, посмотрела на этого человека – на его круглое лицо с ангельскими чертами и кудрявые напояженные волосы – и прищурилась.

– Пожалуйста, мистер Смоллшоу, оставьте меня в покое.

– Ой, да ладно! Я просто пытаюсь быть дружелюбным, миссис Кертис. Право же, я абсолютно безобидный.

Ей совершенно не нравился его вкрадчивый тон и попытки обезоруживающе улыбаться.

– Может, и так, – отрезала она, – но я предпочитаю, чтобы вы ушли.

Его брови взлетели вверх, губы сжались, все показное дружелюбие улетучилось. Впрочем, она и так знала, что оно фальшивое.

– Отпор от шлюшки? Это редкость для такого человека, как я.

– Такого, как вы? – спросила Эмма. – То есть человека беспринципного и безнравственного?

– О, конечно, – протянул он с таким же сарказмом. – Умоляю, расскажите мне, а что, по-вашему, за человек тот, с кем вы спите? Так что, мадам, нечего тут стоять с высокомерным видом и говорить, что мне недостает принципов и нравственности.

Возмущенно фыркнув, он резко повернулся и пошел в сторону «Короны и единорога», постукивая тростью по булыжникам мостовой.

Эмма дошла до «Звезды и подвязки» и отправила письмо, чувствуя себя так, будто вокруг нее сгустилась тяжелая туча и вот-вот хлынет ливень.

Она знала, что Люк распутник и занят какими-то сомнительными делами и удовольствиями, которых она и представить себе не могла.

Но все эти женщины и все эти мужчины, видевшие его пьяным, кутившим, безразличным ко всему миру, – видели ли они хоть раз, как он просыпается от кошмара, дрожащий, покрытый потом? Видели ли они тоску в его глазах, когда он говорит о своей семье? Называл ли он кого-либо из них ангелом? Обнимал ли ночами так, словно никогда не отпустит?

«Да, такое возможно», – заключила она, и от этой мысли ее затошнило.

Эмма вспомнила первый вечер в Бристоле – его развязность, дерзкое, вопиюще похотливое поведение. Все это тот же Люк. Но в нем есть и большее. С ним на удивление легко разговаривать. Он ласковый, понимающий и заботливый. И готов защитить. Кроме того, он обладает чувством чести, хотя никогда этого не признает.

Однако плохо она его знает. Он наверняка хранит секреты, такие, что разрывают его на части, но ни за что их не откроет.

И все-таки он распутник. Ее муж тоже был распутником, но Люк – совершенно другой. Несмотря на изменчивый характер, смену настроений и тайны, он уже доказал, что не похож на Генри. Но можно ли считать эти небольшие отличия доказательством того, что он менее опасен для нее?

Эмма вспомнила, как Люк рассказал ей о своей вине в том, что однажды обесчестил девушку, что ее это сокрушило, а на нем никак не отразилось.

Несмотря на то что кричат Эмме сердце и тело, ни в коем случае нельзя об этом забывать.

Потребовалось пять дней, чтобы добраться до Эдинбурга. Пять дней тяжелой дороги, высосавшей из Эммы все силы. Каждый раз, когда они доезжали вечером до гостиницы, она могла только быстро пообедать, рухнуть в постель и поддаться изнеможению.

Люк вернулся со своего таинственного «дела» в Вустере улыбаясь, в игривом настроении. Кидал на нее пылкие взгляды весь вечер, а затем со вздохом объявил, что идет вниз. С тех пор каждый вечер он оставлял ее и возвращался, когда она уже крепко спала. Ложился рядом, а среди ночи Эмма просыпалась в его объятиях, зарывалась в его рубашку и снова засыпала.

Она гадала: может, он ищет женское общество, про которое говорил ей, как о своей потребности? Эмма изо всех сил старалась ничего не замечать, как обещала в тот первый вечер в Бристоле, но это давалось с трудом. Когда он уходил, внутри возникала странная пустота. С каждым днем все настойчивее в ней пробуждалось желание схватить его и не отпускать. Не позволять оставлять ее одну или прикасаться к какой-нибудь другой женщине. Эмма не хотела, чтобы он прикасался к другим. От этой мысли внутри все скручивалось узлом, который с каждым днем становился все туже, и ей казалось, что она этого больше просто не выдержит.

В последний день перед приездом в Эдинбург они остановились на ленч в южной части Шотландии, у подножья Пентлэнд-Хиллс, при дороге, которая вечером должна была привести их в город. Земля была покрыта ярко-зеленой травой, как ковром, кое-где росли более темные кусты и деревья. Округлые холмы плавно уходили за горизонт. Рядом журчал ручей, давая возможность лошадям напиться, а Эмме с Люком смыть дорожную грязь с рук и лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.